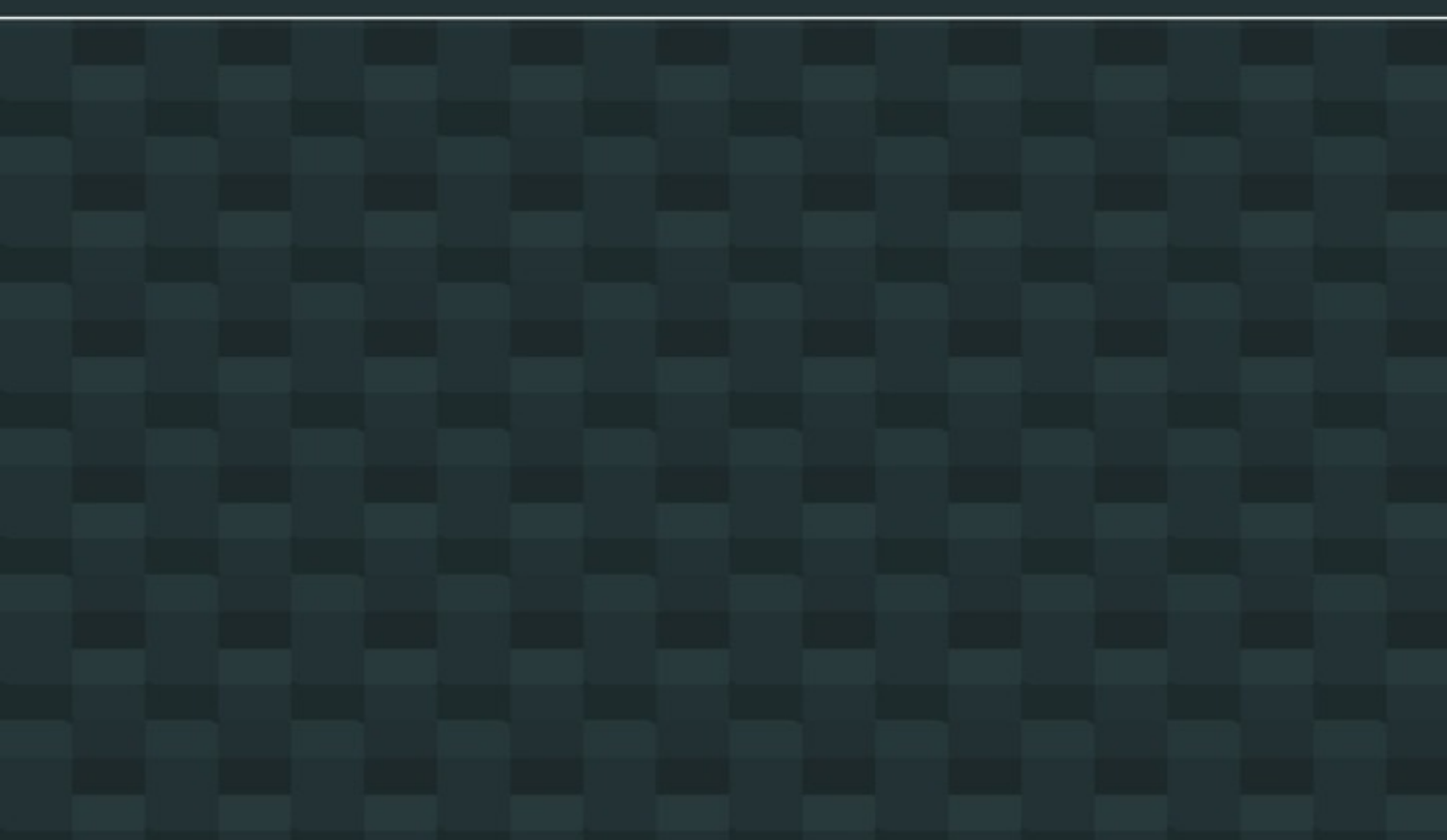

Gregory Raikhman

*Черные
гремлины*

История о гремлинах с железного
острова

Gregory Raikhman

**Черные гремлины. История
о гремлинах с железного острова**

«Издательские решения»

Raikhman G.

Черные гремлины. История о гремлинах с железного острова /
G. Raikhman — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831562-6

Посередине моря кислоты стоит Железный остров, на котором живет племя гремлинов-механиков. Каждую ночь гремлины выполняют задания острова, чтобы получить зефир, а днем прячутся в норе от испепеляющих лучей солнца. Но однажды остров перестает давать зефир, и гремлины отправляются на поиски нового дома. Они строят подводный корабль и уплывают. Места на всех не хватает, и маленький и слабый Лак-Лик вместе с альбиносской Ари-Ару остаются на острове, обреченные на голодную смерть.

ISBN 978-5-44-831562-6

© Raikhman G.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Железный остров	6
Глава 2. Серые пираты	11
Глава 3. Скайдл Борд	20
Глава 4. Черные гремлины	29
Глава 5. Черный Архипелаг	38
Глава 6. Белое море	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Черные гремлины

История о гремлинах с железного острова

Gregory Raikhman

© Gregory Raikhman, 2016

© Johnny Liar, иллюстрации, 2016

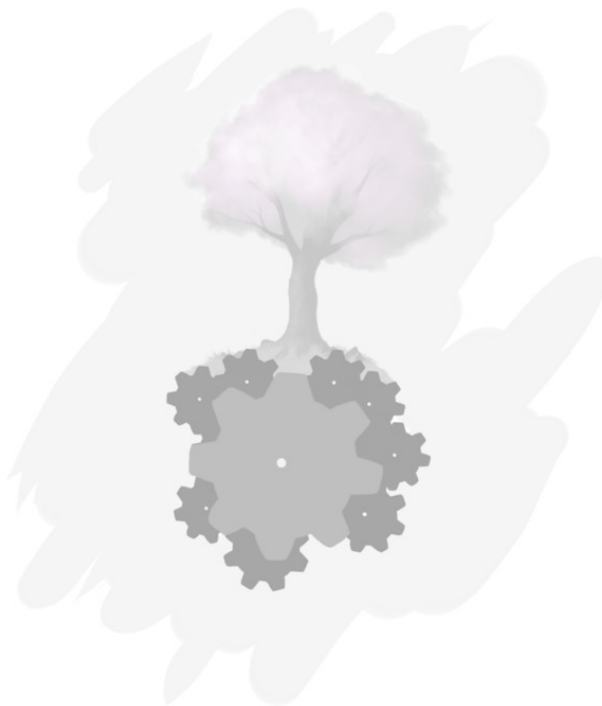
ISBN 978-5-4483-1562-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Железный остров

Когда я был маленьким, мама много рассказывала о зеленых деревьях, на которых росли пушистые, как мех, листья. Раз в цикл деревья цвели, покрываясь пестрыми бутонами, а позже на коричневых ветках созревали плоды слаще зефира. Спелые фрукты сотнями падали в мягкую траву. Деревья не боялись света, любили воду и щедро делились сладостями.

Но на нашем острове нет деревьев. И травы здесь нет. Наш остров сделан из железа.

– Ты снова грустишь, – заворчала Ари-Ару, подняв хвост трубой: – Нытик.

У Ари-Ару красные глаза и белая шерсть. Ари-Ару очень подвижная и верткая, словно бездействие причиняло ей боль.

– Бум-Гум опять отобрал еду? Держи.

В моей лапе появилась коричневая зефирка.

– Спасибо, – буркнул я и сунул сладость в рот.

– Ешь и пошли в нору. Скоро рассвет.

– Угмум, – согласился я, жуя зефир. Рассвет на самом деле был не скоро, но Ари-Ару панически боялась лучей. Даже больше, чем остальные гремлины.

– Быстрее, быстрее, – она заходила кругами. – Небо уже фиолетовое!

– Совсем не фиолетовое. До рассвета еще долго.

– Пошли! Ну пошли.

– Хочешь – иди, раз так боишься. А я еще посижу.

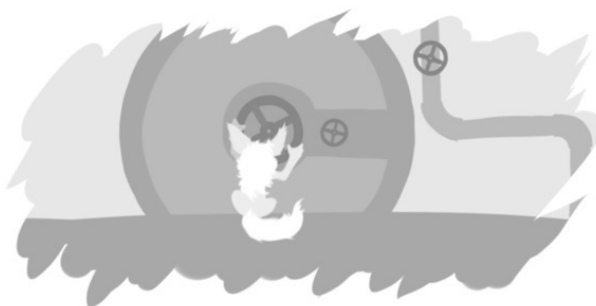
– Я?! Боюсь?! – мех Ари-Ару встал дыбом. – Я ничего не боюсь!

Она села рядом и укуталась в хвост. Несмотря на ее внешнее сердитое спокойствие, я чувствовал ее страх. Ари-Ару сидела как на иголках. Я так не мог.

– Ладно, идем.

– Ха! Сам трусишка, – она сделала вид, что нехотя поднимается: – Кто первый до норы! – Ари-Ару умчалась к люку, шустро перебирая лапами. Я еле поспевал за ней. Глупое соревнование – мне никогда ее не догнать. Ари-Ару очень сильная.

Я запыхался и покрылся пеной после изнурительного бега по металлическим платформам, когда мы наконец добрались до входа в нору. Ари-Ару лихорадочно крутилась вокруг тяжелого железного люка, пытаясь его сдвинуть.

– Закрыто! – пропищала она, округлив глаза: – Закрыто!

Я попробовал поднять крышку за железную ручку. Крепкая сталь даже не скрипнула. Неудивительно – вход в нору открывался только изнутри. Ари-Ару начала громко ругаться на глупых гремлинов, подозревая всех подряд, словно нас заперли намеренно.

– Странно, зачем люк закрыли так рано? Ведь мы сгорим, когда наступит рассвет, – подумал я вслух.

Ари-Ару прижала уши и поджала губы, словно собралась зареветь. Потом схватила меня в охапку, прижала к себе и сказала:

– Все в порядке, Лак-Лик, не плачь, все будет хорошо.

– Ладно, – согласился я, хотя на самом деле не собирался плакать. А вот Ари-Ару уже хныкала.

Скоро небо стало фиолетовым. Еще немного – и яркие лучи сожгут нас дотла. Ари-Ару время от времени всхлипывала и словно хотела что-то сказать, но потом стеснялась и молчала. Какая разница, если рассвет уже близко?

Крышка люка резко поднялась, и могучая коричневая лапа сгребла нас в охапку, чтобы утащить в темноту. Секунду спустя люк встал на место.

– Ну что же вы, гремлины, – сказал Раг-Баг, старший механик.

Я прогундел что-то невнятное. Сложно разговаривать с существом, которое способно убить тебя щелбаном. И хотя добродушный старший механик вряд ли бы так поступил, я все равно не мог оторвать взгляда от его могучей фигуры.

Раг-Баг поставил нас на землю и повел темными коридорами вглубь норы: туда, где рядом со складом зефира ютились маленькие норки коричневых гремлинов; где железный пол становился теплым и на нем не было холодно спать; где на высокой стене висели огромные часы, одна стрелка которых отмеряла оставшееся до рассвета время, а вторая совершала полный оборот по прошествию цикла.

Каждое утро солнце поднималось чуть правее, чем раньше, и когда рассвет делал круг по линии горизонта, а закат с восходом менялись местами два раза, проходил один цикл. В нем было очень много дней и ночей. Больше, чем когтей у меня на лапах.

– День становится дольше, а ночь – короче, – пробасил старший механик. – Ход часов изменился. Завтра отплытие. Будьте готовы к великим переменам.

– Спасибо, Раг-Баг, – поблагодарила Ари-Ару, поджав хвост. Мы добрались до дома.

– Угу, – буркнул гигант и ушел по своим делам.

– Вот видишь! – радостно завертелась Ари-Ару, когда мы остались наедине: – Все обошлось! А ты боялся.

– Это ты боялась, – возразил я.

– Трусишка, – потрепала она меня по голове, игнорируя мои возражения. Потом Ари-Ару повалила меня и мы игрались, царапались, дрались, бегали друг за другом, пока часы не пробили двенадцать раз и все гремлены не легли спать под скрип и лязг перестраивающегося железного острова.

Но я этим днем спать не собирался. Дождавшись, когда Ари-Ару сонно заурчала в соседней норке, я тихо выбрался наружу, чтобы пойти к Хек-Хаку.

– Слышал шутку? – Хек-Хак резво втащил меня внутрь, словно все время ждал моего прихода: – Гремлены поговаривают, я свихнулся. Ну не-е-ет!

И он захихикал кашляющим, прерывистым смехом, за которое и получил свое прозвище. Я уселся и начал ждать, когда Хек-Хак расскажет, зачем меня позвал.

– Я провел расчеты, – посерьезнел он. – В корабль все гремлены не влезут.

Я кивнул. Кому-то придется остаться на острове. Оставят самых слабых и бестолковых. Я наверняка попаду в их число.

– Оставят меня, Бип-Боп и тебя. Мы самые бесполезные в отряде.

– Дурацкий отряд! Глупый старший механик! – взбесился Хек-Хак, разделяя мои догадки: – Я придумал постройку корабля, а не они! Я даже почти полностью спроектировал его!

– Ничего ты не придумывал и не проектировал. Ты сумасшедший, – сказал я, когда Хек-Хак успокоился.

– Угу.

– А я – слабый.

– Верно.

– А Бип-Боп – глупый.

– Опять ты со своим Бип-Бопом!

Он уселся напротив. Хек-Хак был пятнистым гремленом, его шерсть кое-где повылезала уродливыми проплешинами, а местами торчала клочьями. Глаза безумного Хек-Хака всегда вращались, словно он не мог сосредоточиться. А еще у него не хватало половинки хвоста. Маленький обрубок яростно хлестал по полу.

– Поэтому. Давай. Угоним. Корабль! – выпалил он, старательно разделяя слова.

– Нет, – ответил я и собрался уходить.

– Ты только подумай! С тонной зефира на борту мы будем плавать по океану в поисках новых островов! – Хек-Хак загородил вход, размахивая лапами.

– Нет.

– Завтра они вышвырнут тебя вон, словно чужого! Почему ты не хочешь, чтобы справедливость восторжествовала? Чтобы достойные отправились в плаванье?

– Потому что Ари-Ару расстроится.

– И что тебе эта белошерстка?

– Отстань, – я прошмыгнул мимо Хек-Хака и отправился в домашнюю норку.

Дома меня встретила сонная Ари-Ару и поколотила за то, что заставил ее волноваться. Я не обиделся. Когда она отправилась спать, я смотрел на каменный потолок, крутил в лапах плюшевую шестеренку – единственную мою игрушку – и размышлял о предстоящем отплытии.

Корабль строили уже полгода. Идею предложил Хек-Хак, но его не сразу поддержали – ведь на острове не было ничего, кроме железа. Из чего тогда строить корабль? А Хек-Хак сказал: «Раз на острове ничего нет, кроме железа, давайте строить из железа».

Раг-Баг тогда еще не был старшим механиком. Он единственный не смеялся над предложением безумного гремлина и задумчиво рассматривал кусок магнита в лапе. А на следующий день Раг-Баг предложил проект конструкции подводного корабля, который назвали «Космос». Космос – это умное слово, значения которого никто не знал. Сейчас корабль был готов к отплытию. Только не все в него поместятся.

Как только наступила ночь, Раг-Баг собрал всех гремлинов на поверхности и просто сказал:

– Хек-Хак и Лак-Лик не плывут. Остальные – собирайтесь и готовьтесь...

Он не договорил, потому что в его ухо вцепилась Ари-Ару. Завязалась драка. Огромный Раг-Баг лупил белошерстную гремлиншу лапами, но отцепить взбешенную самку удалось только вместе с половиной уха. Пнув бесчувственную Ари-Ару, старший механик прошипел, держась за окровавленную голову:

– Ари-Ару тоже не плывет. Одно место освободилось. Кто из вас хочет?

Я швырнул в него плюшевую шестеренку. Старший механик хмуро на меня посмотрел, но ничего не сказал. Бип-Боп промолчал, глаза в разные стороны. Раг-Баг даже не стал его упоминать. И так понятно, что он не поплывет.

– Я хочу! Я! – обрадовался Хек-Хак.

– Собирайся.

Спустя полчаса на острове осталось только три гремлина. Железный корабль Космос, вращая лопастями, скрылся под водой, отправившись вместе с десятками гремлинов на поиски приключений. Они забрали с собой весь зефир, артефакты и мою плюшевую шестеренку.

– Такие дела, – сказал Бип-Боп. Прозвучало умно и глубокомысленно.

Глава 2. Серые пираты

Ари-Ару лежала без чувств, избитая и слабая. Я попробовал ее поднять, чтобы отнести в нору, пока не наступил рассвет – но она оказалась слишком тяжелой. Тогда я начал вылизывать ее ссадины и ушибы, чтобы они быстрее зажили и в них не попала зараза.

Бип-Боп сидел рядом и косил глазами вслед уплывшему Космосу. Бип-Боп был самым глупым среди нас, но иногда он становился на редкость гениальным и рассказывал невероятные вещи про синергию, закономерности, архитектуру и другие непонятные штуковины. Была у него и еще одна особенность. Бип-Боп почему-то никто не хотел замечать.

Вскоре Ари-Ару очнулась и смущенно оттолкнула меня.

– Спасибо, – буркнула она, покраснев. Ари-Ару прошла туда-сюда, ковыляя и попискивая от боли. Раг-Баг сильно ее побил.

– Надо раздобыть зефир до рассвета, – сказал я, поглядывая на центр острова. За день он перестроился, из железного пола выросли новые стены, препятствия и ловушки.

Ари-Ару кивнула, сделала еще два шага, споткнулась и упала. Я помог ей сесть. Потом посмотрел на пускающего слюни Бип-Боп и подумал, что сегодня мне придется добывать зефир одному.

– Ждите здесь, я принесу зефир, – пообещал я Ари-Ару. Она грустно кивнула и отвернулась. Ари-Ару не верила, что у меня получится. Я и сам не верил.

Первая деталь лежала на самом низком балконе, который чуть приподнимался над землей. Я помотал хвостом, приноровился и запрыгнул наверх. На краю балкона лежала железная лапа размером с меня, а на ее боку было выгравировано «трудись». Пыхтя, я поволок деталь к зефирному гробу.

Зефирный гроб всегда стоял посередине острова – высокий металлический куб, вбитый в пол. Спереди гроб покрывали углубления для деталей. Кое-как подняв железную руку, я сунул ее в углубление, и она с щелчком встала на место. Устало сопя, я упал на четыре лапы, пытаюсь отдышаться.

С обратной стороны гроб походил на сейф. Там находилась металлическая дверца, привинченная огромными болтами, а над ней висела короткая надпись: «По заслугам». Когда все десять деталей встанут на места, дверца откроется, а внутри будет лежать зефир – много зефира! Я смогу накормить Ари-Ару, себя и даже глупого Бип-Боп.

Я побежал за второй деталью. Она находилась на третьем балконе, который возвышался над первыми двумя. Я покрутился снизу, собрался и прыгнул. И больно шлепнулся, отчаянно царапая когтями отвесную железную стену.

Именно поэтому Раг-Баг не взял меня на корабль. Я был самым слабым гремлином в отряде, и даже принести первую, самую легкую, самую простую деталь потребовало от меня огромных усилий. Падение выбило воздух из легких, я задыхался и думал о том, что Ари-Ару останется голодной, а все потому, что я слабый и бестолковый.

– Соберись с силами. Ты справишься, – сказал Бип-Боп.

– У меня получится? – спросил я, удивляясь, что Бип-Боп смог незаметно подкрасться.

– Тебе хватит сил. Постарайся. Или Ари-Ару останется голодной. И я тоже, – объяснил косоглазый гремлин. Он иногда говорил правильно, но недолго. После Бип-Боп опять становился глупым и пускающим слюни. Вот и сейчас он скосил глаза и потрусил ко входу в нору. Не стоит рассчитывать на его помощь.

Десять деталей. На каждой из них было написано слово. Если я успею собрать статую до рассвета, нам хватит еды еще на несколько ночей. Сдерживая писк от боли в лапах, я поднялся и побежал ко второму балкону. Умереть от голода страшнее, чем от солнечных лучей.

Второй деталью была «Грусти» – левая лапа. Она оказалась еще тяжелей, острые края царапались, и я оставил на железных углах два клочка коричневой шерсти, прежде чем установил деталь в зефирный гроб. Затем была «Спи», которую было очень неудобно нести; «Ешь» я два раза уронил себе на лапу; «Мечтай» отдала мне хвост; об «Строй» я вывихнул кисть и долго пищал, прежде чем вставить сустав на место; а ведь еще оставались «Дерись», «Пищи», «Потей» и «Страдай».

Каждая деталь, сделанная из фиолетового железа, весила вдвое больше меня. Их было очень неудобно переносить – без креплений, без ручек, с острыми углами. Самые большие детали всегда несли двое, а то и трое гремлинов. Но главная проблема заключалась не в этом. Чем тяжелее была деталь, тем выше она лежала. Если упав с третьего балкона, я больно ушибся, то свалиться с десятого или даже с восьмого балкона означало смерть. Я никогда не забирался так высоко – старший механик не пускал меня дальше первой детали. Я хотел отказаться от попыток закончить статую еще на «Грусти», но каждый раз говорил себе – еще чуть-чуть. Еще чуть-чуть, и я сдамся. После следующей детали.

И теперь я стоял на пятнадцатом балконе, и при одном взгляде вниз у меня кружилась голова, уши хотелось прижать к голове, обнять хвост и никуда больше не ходить. Я так и сделаю. Только принесу еще одну деталь, и сразу спрячусь. Еще одну штучку.

Лапы болели, но мне хватило сил на еще один прыжок, и я оказался на шестнадцатом балконе. Отсюда было видно весь железный остров! Грязно-серый, абсолютно правильный квадрат. А дальше – океан белой воды. Я разглядел два маленьких пятнышка рядом с люком в нору – Ари-Ару с Бип-Бопом.

«Страдай» была туловищем, покрытым шипами, невероятно большим и совершенно неподъемным. Я покатил деталь вниз, спихивая с балкона на балкон. С грохотом и лязгом «Страдай» приближалась к зефирному гробу. Я все лапы об нее ободрал, прежде чем спустил деталь на пол, и чуть спину не надорвал, пока вставлял железное туловище в зефирный гроб.

– Ура! – устало сказал я, когда собранная конструкция начала сдвигаться. Это была статуя гремлина, целиком закованного в доспехи. Гремлин-гигант из фиолетового железа сурово поглядывал на меня, блестя надписями на деталях, прежде чем исчез внутри куба. Скрипнуло – открылась дверца. Я торопливо оббежал гроб и пискнул от неожиданности.

Зефира не было. За открытой дверцей оказалась пустота. Тут всегда был зефир, очень много! Словно в насмешку остров устроил испытание и ничего не дал взамен. Я хотел заплакать, но потом понял, что слишком устал даже для слез.

Внутри что-то блеснуло. Я утер глаза хвостом и подошел поближе. На дне лежала маленькая зефирка лазурного цвета. На ощупь она была словно мягкая резина, а пахла чем-то кислым и свежим. Испорченная? Я бережно взял ее и поковылял к люку – пусть испорченная, другой все равно нет. Небо уже светлело, нужно спешить.

– Глупый, глупый Лак-Лик! – запищала Ари-Ару, мигом вскочив. Она начала крутиться вокруг меня, как юла.

– Вот, – я отдал ей испорченную зефирку. Хотелось еще много чего сказать – про то, что я статую построил сам, что с шестнадцатого балкона видно все-все-все, и что я получается теперь старший механик, раз больше никого нет. Самки ведь не бывают старшими механиками. Только механицами.

Потом я очень быстро устал и заснул. Даже поговорить не успел ни с кем. Помню, что кто-то тащил меня вниз, в нору, а сверху светлело небо. Еще Ари-Ару хныкала. Все-таки она плакса, а не я. Я же не плачу.

– А где остальные зефирки? – спросила Ари-Ару в норе, когда я проснулся.

– Только одна была. И странная, – объяснил я.

– Тогда ешь. Ты ее заслужил! – она сунула мне лазурную зефирку. До сих пор не съела!

– Нет.

– Ты себя видел? Ободранный и изможденный! Один статую построил!

– Ага.

– Вот и ешь!

– Нет.

Ари-Ару начала беситься. Она все время бесилась, когда не могла меня переспорить. Когда я в очередной раз сказал «нет», она бросила сладость на пол и сказала, что пускай никому не достается. Бип-Боп понюхал зефирку, помусолил в лапах и есть не стал.

– Бу, – сказал Бип-Боп, кося глазами.

Разделить сладость не получилось – она оказалась тягучей, как резинка, и рваться не хотела. Даже когти и зубы не помогли. Пока Ари-Ару пыталась разрезать зефир, я сидел и думал, что чего-то не хватает. Какого-то звука. Раньше этот звук всегда было слышно в норе днем, а теперь его не было.

У Ари-Ару забурчало в животе.

– Ты за меня вступилась, когда Раг-Баг собирался на корабль. Ты заслужила. Пожалуй-ста, – сказал я.

Ари-Ару недоверчиво посмотрела на меня, потом на зефирку. Затем жадно ее схватила и съела в один присест. Все-таки она была очень голодной. Я улыбнулся и назвал Ари-Ару обжорой. Она неуверенно хихикнула и повалила меня в ответ. Бип-Боп тоже захихикал, только зловеще. Он всегда зловеще смеялся.

К наступлению ночи Ари-Ару завернулась в лазурный кокон и перестала мне отвечать. Я никогда не видел, чтобы гремлены заворачивались в кокон. Может, она отравилась и умерла? Я прижался к поверхности кокона – твердой, липкой и шероховатой.

– Ого себе, – сказал Бип-Боп, мгновение спустя потеряв интерес к лазурному кокону.

– Может, ночь и свежий воздух помогут? Давай вытащим ее наружу!

Вдвоем мы вынесли кокон на берег. Я приложил одно ухо к стенке кокона и начал слушать. Внутри раздавались склизкие и противные звуки. Такие, когда в носу ковыряешься или когда глаза трещь. Что же я скормил Ари-Ару? Если бы я съел глупую испорченную зефирку, со мной все было бы в порядке. У меня был крепкий желудок. Однажды, во время линьки, я съел клочок собственной шерсти и мне ничего не стало. Живот только поболел немного, а потом я отрыгнул комок шерсти. Но в кокон не превращался.

– Непонятно, – сказал Бип-Боп. Он, в отличие от меня, сидел к морю спиной и смотрел на середину острова. Я проследил его взгляд и понял, какого звука не доставало днем. Скрежета перестраивающегося острова. Железные платформы исчезли, как и зефирный гроб. Сейчас остров напоминал ровную площадку, местами погнутую и исцарапанную. Неужели механизм сломался? Или зефир закончился? Теперь мы точно умрем от голода.

– Плывут, – пояснил Бип-Боп. На этот раз он смотрел на море, опять замечая самое интересное быстрее меня.

Прямо на остров плыл корабль. Большой, серый, ощерившийся веслами и надписью «Огл». Не успел я опомниться, как один из гремлинов дунул в рог на носу корабля – и тот оглушительно заревел. Я прижался к полу и затрясся, не в силах шевельнуться.

Корабль не остановился у берега – скрипя и стеноя, он на полном ходу залетел на поверхность, чуть не придавив меня и Бип-Боба. С борта тут же спрыгнул грозный гремлин и проорал:

– Ярррр! Зови всех сухопутных гремлинов, мы порубим их на куски! Теперь это наш остров!

Гремлин был коротышкой, даже ниже меня. В одной лапе он держал острую палку, в другой – дырявую широкополую шляпу, которой он размахивал, как ужаленный, а черная повязка скрывала его левый глаз. Шерсть мореплавателя была серой, как и шерсть остальных гремлинов, спустившихся с корабля. Все они грозили дубинками и заостренными палками, у каждого была одежда: перчатка, шарфик, очки или даже плащ.

– Ты! – коротышка ткнул меня острой палкой. – Зови остальных!

– На острове больше никого нет, – пискнул я, прижав уши. Все-таки коротышка был очень страшным и злобным.

– Как нет? – завис серый гремлен. – Совсем никого?

– Совсем, – подтвердил я.

– Врешь? Врешь! – он снова начал тыкаться. Я свернулся клубком и спрятался в лапы. Бип-Боп посмотрел на меня, на серого гремлена, затем встал, отобрал палку у коротышки и выбросил ее в море. Зашипев и задымившись, она растворилась в белой воде.

– Ты чего? Это же моя сабля! – взвыл гремлен, обращаясь почему-то ко мне, а не к Бип-Бопу.

– Нечего тыкаться, – объяснил Бип-Боп и снова уселся.

– Связать его и на борт! – расвирипел коротышка. – Остальные – прочесать остров! Всех найденных связать и на борт! А это что?

Он подошел к кокону и пнул его лапой. Я тоже хотел было пнуть коротышку лапой, но меня держали три крепких гремлена.

– Это Ари-Ару! – крикнул я, прежде чем мне заткнули пасть кляпом.

– Ари-Ару тоже связать и на борт! – распорядился гремлен.

Так мы с Бип-Бопом и Ари-Ару оказались на борту Огла – корабля капитана Швецс-швецс-швецс-швецса.

– Мое имя Швецс-швецс-швецс-швецс-швецс! – рявкнул коротышка. – Я капитан.

– Почему целых пять раз Швецс? – спросил я, когда удалось разжевать и проглотить кляп.

– Потому что я в пять раз сильнее, умнее и проворнее любого гремлена. Для друзей просто Швецс-швецс-швецс-швецс! Я хочу сделать вам предложение. Не хотите ли вы присоединиться к команде пиратского судна Огл под моим началом? – оскалился пять-раз-Швецс. – А придется!

Меня и Бип-Боба приковали к веслам и заставили грести всю ночь, а перед рассветом гремлены спустились в трюм и улеглись спать. Места было мало, поэтому все толкались, ворчали, храпели и мешали друг другу. Я уснул с чьей-то лапой на голове и хвостом на животе.

Корабль был сделан из легкого и прочного серого материала, похожего на застывшую пену. Все остальное: весла, цепи, даже острые палки – тоже были из этого материала. Когда я спросил, что это, меня побили палками и сказали не разевать пасть.

Грести было очень тяжело, я никак не мог привыкнуть. Меня и Бип-Боба посадили на одно весло, и мы ворочали его, пока лапы, плечи и спина не начинали ныть. Я все время уставал и покрывался пеной, а Бип-Боп ворочал весло с таким видом, словно спал сидя. Я решил, что он очень сильный, раз совсем не устает.

Раз в ночь нам давали по половинке серой зефирки. Я любил подолгу ее разглядывать, прежде чем съесть, а ел маленькими кусочками, разжевывая в мелкую кашу. На третий день один из матросов забрал сладость. С тех пор я старался съесть зефир сразу, чтобы никто не отобрал.

Кокон с Ари-Ару капитан забрал к себе – у Швецса была отдельная каюта, маленькая, но доверху набитая диковинками. Швецс был очень подозрительным и не любил, чтобы кто-то заглядывался на его сокровища. Когда капитан покидал каюту, он закрывал дверь на большой железный шуруп, а отвертку прятал в шляпе. С шляпой пять-раз-Швецс не расставался никогда.

На борту Огла вместе с нами жили девятнадцать гремленов. Из них только семь были пиратами, остальные попарно сидели на веслах. Пираты были злобными и дрались палками, а все мои попытки заговорить выглядели вот так:

– Господин пират, вы не подскажете, куда мы плывем?

– Молчать! Закрой пасть! – бился палкой пират без двух клыков с полосатым шарфиком на шее.

Или вот так:

– Господин пират, а какой цвет вам больше нравится: синий или розовый?

– Не разевай пасть! Гребни! – ударил меня дубинкой серый гремлин с поясом, на железной бляхе которого был значок в виде перекрещенных отверток.

Со временем я и стал их так называть: Полосатый Шарф был молчалив и злился, когда другие разговаривали; Отвертка любил поесть и частенько забирал чужой зефир; Дырявый Плащ оказалась жадной до игрушек, на ее лапах брэнчали оплавленные в кислоте браслеты и болтались ленточки; Талисман Коготь был подлизой и ябедничал на остальных гремлинов Швепсу.

И только Черные Перчатки не дрался, не отбирал сладости и вообще казался хорошим гремлином. Черные Перчатки напоминал мне Раг-Бага, только не такого большого и сильного. Именно он раздавал зефир, созывал гремлинов в трюм перед рассветом и следил за порядком на борту. Свои перчатки он не снимал никогда, в отличие от других пиратов, которые любили помахать шляпами, талисманами и шарфиками.

Гремлины, которые сидели на веслах, не разговаривали вообще. В их глазах было меньше жизни, чем в косящих буркалах Бип-Бопа. От постоянной гребли их спина и лапы стали мускулистыми. В отличие от серых гремлинов-пиратов, гремлины-гребцы были разной окраски: коричневой, бурой и даже красноватой. Глупый Бип-Боп остался моим последним собеседником, и когда никто не слышал, я рассказывал ему истории.

– Однажды мы с Ари-Ару забрели очень глубоко в нору, туда, где пол горячий и на нем можно зажариться, если долго стоять. Старший механик запрещал ходить глубоко, но мы не послушались и пошли.

– Ого ему, – согласился Бип-Боп.

– А чтобы не зажариться, мы сделали из старой шерсти тапочки. И вот мы зашли очень глубоко, даже шерсть на тапочках начала дымиться, а дышать стало тяжело.

– Оох ты, – кивнул Бип-Боп без выражения.

– В конце коридора Ари-Ару увидела коробку. Я попросил ее, чтобы мы возвращались скорей, потому что тут и стореть недолго. А она хихикнула, назвала меня трусишкой и побежала к коробке.

– Ого себе, – хрюкнул Бип-Боп.

– В коробке Ари-Ару нашла плюшевую шестеренку и подарила мне. Сказала, что самки должны ухаживать за самцами. Правда, лапы она все-таки обожгла и с тех пор очень боится рассвета и огня.

– Молчать! Закрой пасть! – ударил меня по уху Отвертка, услышав разговор. А Бип-Бопа не тронул. Бип-Бопа бить боялись после того, как он вышвырнул в море палку Швепса. И вообще его будто не замечали.

Через девять ночей стало грустно. Я рассказал Бип-Бопу все истории три раза, а потом выдумал еще столько же и рассказал их два раза. Ари-Ару не было рядом, вместо нее ворочали весла понурые гремлины, и чем больше я на них смотрел, тем больше становился таким же. Как-то раз я целую ночь не рассказывал историй Бип-Бопу.

Кто-то коснулся моей левой лапы. Я дернулся, ожидая удара, но это был Бип-Боп. Кося глазами, он сказал:

– Истории.

И я начал рассказывать еще, выдумывая на ходу. А он слушал, комментировал невпопад и ворочал весло. Я научился говорить тихо, чтобы пираты не услышали; придумывать интересных персонажей, которые очень походили на настоящих гремлинов, но были чуть-чуть лучше; и косить глазами, как Бип-Боп.

На пятнадцатый день гремлин с красной шерстью, сидевший прямо передо мной, перестал грести, а когда Дырявый Плащ несколько раз ударила его палкой, то и вовсе свалился на палубу. Черные Перчатки подошел к красному гремлину, потрогал за горло и сказал:

– Мертв.

Все на палубе замолчали. Швец пнул труп лапой:

– Собери костяшки, дохляка за борт.

Черные Перчатки достал маленький железный ножик и срезал у красного гремлина длинные фаланги у когтей на передних лапах, а потом долго счищал с них мясо и шерсть, пока костяшки не стали сухими и блестящими. Затем пират спихнул тело в море. Труп зашипел и запенился, выпуская клубы белого дыма, пока море не растворило его.

Швец забрал десять костяшек, сложил их в шляпу и потряс ей. Фаланги мертвого гремлина застучали друг о друга:

– Вот она, валюта Тысячи Островов! За эти костяшки я могу купить борд, нанять пирата или накормить команду! Запомните, сухопуты, на Тысяче Островов ценятся только фаланги лап. Если будете бесполезны, как этот слабак, я пушу вас в расход.

Швец ухмыльнулся и зашагал в каюту, довольно похрюкивая. Я медленно дышал. О том, что когда-то передо мной сидел красный гремлин, напоминала только маленькая лужица крови на палубе. Я посмотрел на свои лапы. За них можно было купить борд, нанять пирата или накормить команду. За них, боль от ножа и мою жизнь.

Пираты веселились, прохаживаясь мимо гребцов. Дырявый Плащ ухмылялась, глядя на меня. Я опустил голову и сжался, продолжая исправно грести. Я не хотел, чтобы мои фаланги срезали, а потом очистили от мяса и шерсти. А самка-пират скалилась все больше, наблюдая за мной.

Только Черные Перчатки хмурился. Шерсть на его предплечьях окрасилась бурым.

Следующую ночь я боялся разговаривать и тихо греб, поглядывая на пиратов. При очередном повороте весло заклинило. Я выглянул за борт и увидел под водой пару больших синих глаз, наблюдающих за мной. Это было очень странно – видеть кого-то, плавающего в Белом море.

– Привет, – поздоровался я.

Существо под водой что-то сказала, но на поверхность всплыли только пузыри.

– Непонятно, – объяснил я.

Тогда незнакомец подплыл ближе и, цепляясь за весло, приподнялся над водой. Он был похож на гремлина, только худого и без шерсти – его тело покрывала гладкая, мокрая кожа голубого цвета, пальцы лап заканчивались перепонками, а тонкий хвост – стрелкой. На голове колыхались щупальца, аккуратно уложенные назад. У него не было ушей, вместо носа сжимались-разжимались две щелки жабр. В правой лапе незнакомец держал острый трезубец.

Болтая хвостом-стрелкой, улыбаясь безгубым ртом и показывая два ряда острых белых зубов, незнакомец прокричал:

– ПРИВЕТ! – его голос звенел, как подземный колокол норы. – КАК ЗОВУТ?

Теперь незваного гостя заметили все. На корабле поднялась паника, пираты хватались за оружие и кричали: «Морской дьявол! Морской дьявол!» – а гребцы прятались друг за друга. Морской дьявол смотрел прямо на меня и улыбался, не обращая внимания на хаос вокруг.

– Лак-Лик, – ответил я.

– ХА-ХА! ДЕРЖИСЬ, ЛАК-ЛИК! – захохотал он, а потом нырнул глубоко вниз, задев лапами весло. Оно затрещало и лопнуло, разломившись на две половинки. Я так вцепился в борт, что лапы заболели.

Миг спустя в днище корабля врезался невидимый молот – палуба накренилась, а гремлины посыпались вниз. Я же повис на борту, вцепившись в него зубами. Один из пиратов, Отвертка, зашатался на краю корабля, едва не падая вниз. Морской гремлин синей молнией

выпрыгнул из воды, схватил Отвертку и утащил за собой. Трепыхаясь и хрипя, пират растворился в белом море.

Еще пять раз молот бил в Огла. Корабль скрежетал и шатался, швыряя гремлинов то влево, то вправо. Следующей жертвой морского дьявола стал Полосатый Шарфик – он скатился к краю борта, и синие перепончатые лапы утащили его на дно.

Я увидел, как Черные Перчатки оступился и кувырком полетел к корме, а в воде рядом с ним задвигалась синяя тень. Оттолкнувшись от борта, я скользнул вниз и схватил пирата за лапы – и в тот же миг морской дьявол вцепился в него с другой стороны. Мы тащили Черные Перчатки в разные стороны, но сильный морской дьявол брал верх. Я уже подумал, что не удержу гремлина на корабле, как на помощь пришел Бип-Боп – прыгнув на морского дьявола, он заехал ему обломком весла прямо в лоб. Взвизгнув, пришелец отпустил Черные Перчатки и соскользнул в воду. Я заметил обиду в синих глазах морского дьявола, прежде чем он нырнул.

– Что расселись? По веслам! – закричал Швепс. – Гребите, что есть мочи!

Подгонять не пришлось. Гремлины гребли, как безумные, а пираты беспокойно поглядывали на воду, прохаживаясь вдоль бортов. Бип-Боп посадили на место погибшего красного гремлина, а мне места не нашлось. Мое весло было сломано.

Когда море успокоилось, а синяя тень перестала мерещиться среди волн, Швепс ткнул в меня пальцем и сказал:

– Ну и зачем ты нужен, раз не можешь грести? Знаешь, сколько весло стоит? Половину твоих пальцев! – Швепс достал маленький ножик и шагнул ко мне.

– Не надо, – попросил я, заслонившись лапами.

– Убытки придется возмещать, – оскалился пират.

– Стой, – дорогу капитану заступил Черные Перчатки. – Я забираю его себе.

– Он мой, – процедил Швепс.

– Я хочу его вместо доли.

Швепс наклонил голову, словно примериваясь, куда ударить. Черные Перчатки спокойно смотрел на него, дожидаясь ответа. Капитан довольно улыбнулся:

– По лапам.

Скаля желтые зубы, Швепс спустился в каюту.

– Знаешь, почему он доволен? – спросил меня Черные Перчатки, когда капитан скрылся в трюме.

– Потому что выжил?

– Нет, – покачал головой пират. – Хотя и поэтому тоже. Швепс доволен, потому что утонувшим не надо платить.

– Ага, – я кивнул и поднял лапу. – Меня Лак-Лик зовут.

Мне показалось, что Черные Перчатки смутился. Неуверенно хлопнув по моей лапе, он сказал:

– А меня Ког. Теперь ты мой, Лак-Лик, – его голос стал угрожающим. – Захочу – прирежу, захочу – скормлю морю. Понял?

– Угу, – кивнул я и уселся.

Ког опять растерялся.

– Вот что – иди в трюм. Завтра придумаю, что с тобой делать.

Я послушался. В трюме никого не было. Пол кое-где прогнулся – в местах ударов морского дьявола появились бугорки – но не треснул. Было слышно, как за дверью каюты пять-раз Швепс возился с сокровищами, как шумело белое море за бортом и переругивались пираты на борту. Пахло подгнившим мехом и ядовитой водой. Хорошо, что я принадлежу Когу, а не Швепсу. Швепс отрезал бы мне пальцы за весло.

– Ари-Ару, – прошептал я.

Кто-то еще спустился в трюм. Это была Дырявый Плащ. Ухмыляясь, она подошла ко мне, покачивая бедрами.

– Такой маленький, а уже помощник пирата, – извивая хвост, промурлыкала она.

– Не маленький, – я сделал шаг назад.

– Маленький и беспомощный, – Дырявый Плащ подошла на шаг ближе. – И весьма миленький.

Я не нашелся, что ответить, и снова шагнул назад. А пират продолжала наступать, пока не прижала меня к стенке. От нее пахло потом, мускусом и лимоном. Такой запах источали самки, когда хотели спариваться. Он влек и затуманивал мысли. Против воли я почувствовал возбуждение.

– Не расскажешь Когу, что я побалуюсь с его игрушкой? – мурлыкнула она, приближаясь. Ее красноватые губы и аккуратные, чуть желтоватые зубы оказались рядом.

– Отстань, – сказал я, оттолкнув ее. Дырявый Плащ рыкнула и обхватила меня, пытаясь повалить.

Я укусил ее за нос и пнул лапой в живот, а когда Дырявый Плащ согнулась пополам, опрокинул ее на пол и стукнул по голове. Рассвирепев, она вскочила, схватила меня и швырнула об стенку. В голове зазвенело. Откуда-то прилетело два удара по морде. Я сжался, закрывшись лапами. Зря я затеял драку с самкой. Самки сильнее самцов. Особенно таких, как я. Дырявый Плащ достала острую палку и замахнулась.

– Что происходит? – сердито спросил Ког.

Дырявый Плащ метнула в него яростный взгляд.

– Ничего! – прорычала она, зашагав к лестнице на палубу.

– Ну и проблем с тобой, – вздохнул Ког, когда пират исчезла в проеме: – Зачем ты ей не поддался? Не нравятся девочки?

– Нгавягся, – я шмыгнул разбитым носом.

– Ты спас меня от морского дьявола, – посерьезнел пират. – А я спас тебя от Швепса. Больше помогать не собираюсь. Не наживай лишних врагов.

Когда наступил день и гремлины спустились в трюм, Дырявый Плащ легла спать вместе с Когом. Я дремал и слышал, как они возятся и хихикают. Им было весело.

– Ари-Ару, – прошептал я.

– Кто такая Ари-Ару? – раздался тихий голос. Я встрепенулся и прислушался. Рядом лежал только Бип-Боп, но он храпел. Голос повторил вопрос. И я понял, что он идет из-под пола. Но с другой стороны было только море. Подумав, я решил, что сам корабль Огл говорит со мной.

– Это мой дуг, – ответил я. – У нее красные глаза и белая шегсть. Она губит зефир и боится света.

– Здорово! Она молодец, – согласился корабль.

Потом Огл долго молчал.

– Зачем ты спас пирата в черных перчатках?

– Он не дегется. Еще он газдает зефир в полночь, а пегед гассветом зовет всех в тгюм. И защитил меня от Швепса.

– Но ведь пираты плохие! – корабль разозлился. – Я топлю пиратов уже пять раз по десять циклов и ни разу не встречал среди них хороших!

– Погятно, – согласился я. Огл еще что-то говорил, но я сильно устал и вскоре заснул. Разбитый нос жегся.

Глава 3. Скайдл Борд

С наступлением ночи Ког позвал меня, с прищуром оглядел и спросил:

– Что умеешь?

Я задумался. Я умел стоять на голове и на время приподнимать одну лапу. Еще я помнил, как выглядят и что означают слова, написанные на статуе зефирного гроба, но буквы не различал. Я был посвящен в круг механиков пятой степени – закручивал шурупы. Но только маленькие – огромные тяжелые болты умел ворочать только Раг-Баг. Свою плюшевую шестеренку я мог перекинуть хвостом между ног, а поймать за спиной.

– Ничего, – ответил я.

– Ты должен был выживать на острове. Как вы добывали зефир?

– Мы строили.

– Таскали железо? – Ког поднял лапу. – Попробуй сдвинь.

Я вцепился в его лапу и тянул в разные стороны, пока не вспотел и не повис на ней. У серого пирата словно металл была вместо лапы – такой же крепкий и неподвижный.

– Понятно, – отпихнул меня Ког, нахмурившись. Вдруг он насторожился, а потом упал на пол и приложился ухом к полу: – Слышишь?

Я тоже прислушался. Пол ритмично подрагивал. Брум-брум. Брум-брум. Похожая дрожь сотрясала Железный остров, когда он перестраивался.

– Барабаны, – объяснил Ког, улыбаясь. – Скайдл Борд близко.

– Что это?

– Скоро увидишь, – встал пират, собираясь уходить: – На скайдле я продам тебя, и дело с хвостом.

– Ког, – позвал я.

– Что еще? – буркнул пират.

– Спаси Ари-Ару, – это сложно было сказать.

– Чего? От кого мне ее спасать?

– Когда она выздоровеет, Швепс-швепс-швепс...

– Не обязательно говорить пять раз, если он не рядом.

– Хорошо. Когда Ари-Ару выздоровеет, Швепс посадит ее на весла, и она станет понурой.

Это очень плохо, потому что Ари-Ару веселая, а вовсе не понурая.

– И что ты от меня хочешь?

Об этом я еще не думал. Я просто хотел, чтобы Ари-Ару не сидела за веслом и чтобы ее не били палками, когда она задает вопросы или ворочает весло недостаточно усердно.

– Не знаю.

– Тогда отвали и не приставай с глупыми просьбами.

– Вот, – я вытянул вперед лапы. – Швепс сказал, что за десять костяшек можно нанять пирата. Я нанимаю тебя, чтобы ты спас Ари-Ару.

Потом я закрыл глаза, чтобы не смотреть, как Ког достает нож и обрезает мне фаланги. Но вместо этого я услышал его смех. Он хохотал так долго, что захотелось спрятаться.

– Ты УЖЕ принадлежишь мне. Я могу забрать твои фаланги прямо сейчас, разница только в том, что за живого раба на скайдле мне дадут двадцать костяшек, а с мертвого я поймею лишь десять. Принял?

Я опустил лапы и кивнул. У меня не получилось нанять пирата. А я думал об этом весь день. Эта затея показалась мне хорошей.

– На скайдле тебя купит какой-нибудь капитан для несложной работы, – Ког почему-то смутился и потрепал меня по голове: – А взамен он даст зефир и отнорок. И слушай... не делай больше таких предложений. Никому и никогда.

Я кивнул. Барабаны гремели все громче. Когда Ког ушел, я сидел у стенки и чувствовал, как она дрожит. Я хотел задать много других вопросов. Что будет с Ари-Ару? Несложная работа – это какая? Легче, чем грести веслом? Что такое скайдл Борд?

Дверь каюты открылась. Капитан вышел, завинтил дверь отверткой, спрятал ее в шляпе и подошел ко мне.

– Ну что, доля Кога? – пять-раз-Швепс выглядел очень довольным. – По душе тебе новый хозяин?

– Да, – сказал я.

– Он рассказывал тебе, почему всегда носит перчатки?

– Нет.

– Ког был рабом. Следил за обшивкой, заделывал пробоины и течи. Его надсмотрщиком был греmlin с черными перчатками на лапах. За шестьдесят ночей лапы Кога обгорели и покрылись волдырями – от воды и света, которые на них попадали, – Швепс наклонился ко мне, скаля желтые зубы. От него пахло гнилой шерстью: – А когда Ког понял, что долго не протянет, он убил надсмотрщика и забрал его костяшки и перчатки, а всем остальным сказал, что надсмотрщик заснул днем на палубе. После Ког выкупился у хозяина за двадцать костяшек и стал вольным пиратом. Где он взял первые десять – понятно. А вот второй десяток?

Швепс захохотал. Я смотрел на смеющегося капитана.

– Что, не доходит? – взбесился пират. – Тупой? Срезал он свои фаланги, чтобы выкупиться. Вот почему носит перчатки. Ну, дошло? Дошло?! Смешно?

Но мне не было смешно. Швепс разозлился и ударил меня лапой.

– Поднимайся! До скайдла меньше тысячи хвостов! – рявкнул капитан. Я послушно полез наверх. Там я увидел скайдл Борд.

Чтобы его оглядеть, приходилось вертеть головой. Скайдл Борд оказался серым островом-фортом – суровым, шипастым и неприступным. Высокая стена с острыми зубчиками закрывала его середину. Над ней развевались флаги с рисунком клетки, сложенной из костяшек. У берегов плавали десятки кораблей. А по бокам скайдла, на возвышенностях, стояли круги высотой в три балкона Железного острова, в которые стучали большие молоты. БРУМ-БРУМ! БРУМ-БРУМ! Барабаны. Молоты двигались не сами – группа маленьких фигурок крутила широкое колесо, которое приводило в действие сложный механизм барабанов.

Грозный корабль-великан, а вокруг – рой злобных корабликов.

– Какой большой остров, – прошептал гребец с синей шерстью и получил палкой по голове.

– Не остров, огрызок, а скайдл! – зашипел на него Талисман Коготь. – Остров стоит на месте, а скайдл плывет!

И действительно, он плыл. Скайдл Борд клином разрезал белое море, поднимая волны. Я почувствовал себя очень маленьким по сравнению с ним.

Когда мы причалили, Швепс купил повозку и велел гребцам переносить на нее мешки из капитанской каюты. Я увидел лазурный кокон среди сложенных мешков. Нас сковали и запрягли в телегу, а потом заставили тащить ее к центру города. Кандалы на лапах больно давили на запястья.

У стены нас остановили серые гремлины, прикованные цепью к створкам ворот. Они подняли железные гарпуны и потребовали предъявить знаки. Пять-раз-Швепс снял повязку и показал глиняный глаз с рисунком решетки, собранной из костяшек. Серые гремлины опустили гарпуны, и мы вошли внутрь.

Внутри Скайдл был похож на нору Железного острова, вывернутую наизнанку. Все отнорки, жилища и залы поднимались над землей квадратными холмами. Мы шли по узким коридорам и по широким улицам, мимо гремлинов зеленых и коричневых, красных и желтых, но больше всего было серых. Пираты носили шапки, плащи, сапожки и много другой красивой

одежды. Они с любопытством осматривали нас, махали пять-раз-Швепсу и брезгливо ворочали носы.

Детали конструкций были сделаны из нескольких материалов. Больше всего серого, но встречались и коричневое железо, и красная медь, и даже грязно-бурая глина с зеленым изумрудом. Пираты дрались палками, чтобы мы не глазели по сторонам, но рядом со мной шел Ког, и он меня не бил.

Мы двигались к огромному зданию в центре острова. Чем ближе мы подходили, тем меньше гремленов встречалось. Вскоре улицы совсем опустели.

Спустя тысячу шагов мы оказались у порога купола. Ступеньки были оплавлены, словно их облили водой. Длинные шипы покрывали каждый шаг серых стен. Ког нахмурился. Даже Швепс посерьезнел и перестал скалиться. Над входом была знакомая надпись. Пока я вспоминал, что она означает, Швепс подошел к дверям и постучал тяжелым кольцом. Спустя мгновение дверь тяжело закрипела, и наружу вышел странный, чешуйчатый гремлен. Я не успел его разглядеть.

Швепс упал на четыре лапы, а за ним все остальные. Кандалы утащили меня вниз, и я тоже свалился, ударив коленку. Стало так тихо, что я услышал, как стучит мое сердце.

– Швепс, капитан Огла, с дарами для первого пирата, – сказал Швепс.

– Показывай улов, – прошипел чешуйчатый. Пираты вывернули мешки – и под лапы чешуйчатому посыпались игрушки, одежда, материалы и оружие. Он ходил мимо них, как хозяин, и те сокровища, на которые он указывал когтем, хватали серые пираты Швепса и уносили внутрь. Когда он показал на кокон Ари-Ару, я покрылся потом.

– Что это?

– Лазурное яйцо, добытое на сапфировом острове в тяжелых боях, Первый Пират.

– Я забираю его.

Швепс покрылся испариной, но ничего не сказал.

– Поднимайтесь, – сказал чешуйчатый. Его голос походил на шипение механизмов Железного острова.

Мы встали, и я смог его разглядеть. Первый Пират был целиком покрыт плотной серой чешуей. У него не было ушных раковин, а вместо меха на лбу росли загнутые к затылку рожки. Мясистый хвост заканчивался шипастым шаром, а когти на лапах были гораздо больше, чем у обычных гремленов. Первый пират источал страх и распространял тишину, прохаживаясь мимо перепуганных гребцов. Я первый раз видел такого необычного гремлена.

Первый пират поймал мой взгляд. Раздвоенный тонкий язык вылез из удлиненной пасти и смочил желтые глаза с узкими черными зрачками. Чешуйчатый смотрел прямо на меня, и я почувствовал себя зефиром в лапах голодного гремлена, но взгляд отводить не стал. Я вспомнил, как играл в гляделки с Бип-Бопом. Чтобы не проиграть, достаточно было просто не сдаваться. Я смотрел в желтые зрачки Первого Пирата и думал, ест он гремленов или нет.

– Кто ты? – спросил он. Первый пират говорил без интонации, без выражения – ни одна чешуйка на морде не дрогнула. Словно камень.

– Лак-Лик.

– Тебе страшно, Лак-Лик?

– Да, – признался я.

Первый Пират моргнул. У него были вертикальные веки и зрачки. Он протянул лапу и потрогал меня за шерсть.

– А как тебя зовут? – спросил я.

– Я... меня... – протянул чешуйчатый. – Не могу вспомнить. На «и» начинается.

– Ири-Мири? – предположил я.

– Нет.

– Иск-Аск?

– Нет.

– Игу-Ига?

– Нет. Вспомнил. Меня зовут Оникс. Какого ты цвета?

– Коричневого.

– Я забираю его, – сказал Оникс Швепсу.

– Но, Первый, это... – Ког сделал шаг вперед, но смолк под взглядом чешуйчатого. Первый Пират смотрел на Кога, пока тот не отошел назад, склонив голову.

Когда чешуйчатый уводил нас под купол, Ког беззвучно прошептал: «Прости». Бип-Боп помахал лапой на прощанье. А я вспомнил, что обозначала надпись над входом.

Точно такие же знаки были выгравированы на торсе железного гремлина. Надпись над входом говорила: «Страдай».

Внутри купол походил на свалку – повсюду валялись принесенные пиратами сокровища, игрушки, одежда. По углам прятались истощенные, слабые гремлины. Они со страхом выглядывали из-за кучек поломанных деталей и оплавленных материалов.

Поставив на место тяжелую каменную дверь, первый пират лег на живот и начал крутить в лапах кубик с разноцветными гранями. Оникс долго возился с ним, но не собрал даже одну сторону.

– Ты неправильно играешь, – сказал я ему. – Нужно, чтобы все стороны были одинаковых цветов. Или хотя бы одна.

– Эти квадраты разных цветов? – спросил Оникс.

– Да, – ответил я.

Оникс положил кубик и взял саблю с железным лезвием и белой, как кость, рукоятью. Может, это и была кость. Первый пират укусил клинок и сломал его пополам. Обломки зазвенели по полу.

Оникс методично рассматривал принесенные Швепсом дары, пробуя их на вкус, ломая и нюхая. Среди вещей был металлический шлем, который Оникс надел на голову. Шлем был погнутым и очень узким, поэтому снять его первый пират не смог. Чешуйчатый гремлин так и остался сидеть в шлеме после того, как четверть часа безуспешно пытался его стянуть.

– Давай я помогу, – предложил я.

Вдвоем мы тоже не смогли стянуть шлем. Тогда Оникс забыл про шлем и продолжил разглядывать принесенные пиратами подарки. Вскоре очередь дошла до кокона Ари-Ару. Когда Оникс понюхал его и открыл пасть, чтобы откусить кусок, я закричал:

– Не надо!

– Почему? – спросил первый пират.

– Это Ари-Ару. Когда она поправится, снова станет пушистой и веселой. Не надо ее есть.

– Гремлины выглядят по-другому.

– Она заболела.

– А как сделать, чтобы она поправилась?

– Не знаю.

Первый Пират разглядывал кокон. Приложил к нему ухо и прислушался.

– Когда мои гремлины болеют, я кормлю их зефиром, и они поправляются, – рассказал Оникс. – Если не кормить, то умрут и будут плохо пахнуть.

– Наверное, эта болезнь пройдет сама, – предположил я.

– Какого он цвета?

– Лазурного.

– Что такое лазурный цвет?

– Это как синий, только лазурный.

– Я запомню.

Оникс отдал мне кокон, и я очень обрадовался. Я отнес Ари-Ару в одну из куч сокровищ, собрал для нее гнездо из мягкой одежды и кусков шерсти, и накрыл сверху пуховым одеялом, которое снял с трупа погибшего от голода гремлина. Один раз я споткнулся о череп. Под лапами хрустели останки гремлинов. Выжившие спрятались по углам.

Оникс лежал на животе и рассматривал кубик, придерживая падающее забрало. Первый пират уже не казался таким страшным. Я подоткнул одеяло у кокона. Ари-Ару обязательно поправится. Затем я отыскал одного из гремлинов, прятавшихся по углам.

Он был очень худой и перепуганный. Шерсть покрылась пылью. Прижав уши, гремлин смотрел на меня с опаской.

– Хочешь есть?

– Да! Да-да! Очень! – запищал он и тут же смолк, боязливо косясь на чешуйчатого.

– Давай попросим Оникса, – предложил я.

– Кого? – спросил гремлин, а я показал. Его глаза округлились: – Первого пирата?

– Да.

Гремлин схватил меня за лапы и потянул вниз, а потом зашептал:

– Он не даст просто так. Если попросишь, то он загадает загадку. Ответишь правильно – получишь зефир. А если неправильно, он тебя убьет! А иногда он убивает просто так, если под лапу подвернешься!

Гремлин сжался и задрожал. Я похлопал его по шерсти, стряхивая пыль. У него оказалась голубая шерсть. Интересно, как она выглядела, когда была чистой?

– А как правильно ответить?

– Не знаю! Он постоянно разные вопросы задает. Но если спросит про цвет – считай, погиб. Никто еще правильно не отвечал.

Я посмотрел на Оникса. Он выглядел спокойным и сосредоточенным. Неужели он был злым и убивал гремлинов? Когда Ари-Ару выздоровеет, она захочет есть. Если у меня не окажется зефира, она умрет от голода. Я спустился в центр зала и сел напротив первого пирата.

– Пожалуйста, дай зефира, – попросил я. Оникс поднял голову.

– Что вкусней: сталь или бумага?

– Они невкусные, – ответил я.

– Надо выбрать один вариант, – объяснил Первый Пират.

– Зефир вкусней.

– Зефира среди вариантов нет.

– Давай добавим, он вкуснее бумаги и стали.

Первый пират замолчал.

– Ты хочешь умереть?

– Нет.

Оникс опустил забрало и уснул. Зефир я нашел сам – он лежал в коробке неподалеку от первого пирата. Я учуял его и рылся на запах, пока не нашел. Зефир был старым и затвердевшим, но я съел две штучки, четыре положил под одеяло к Ари-Ару, а еще пять отнес голодным гремлинам.

Их было четверо. Они тихо поздравляли меня, жевали зефир и выглядели счастливыми. Я тоже был рад, потому что смог их накормить. Их звали Иккен, Вроа, Будто и Клап-Клап.

– Что он спросил? – поинтересовался Вроа, гремлин с голубой шерстью, которого я встретил первым. Вроа разговаривал быстро, короткими фразами, и все время оглядывался, словно боялся сказать что-нибудь не так.

– Он спросил, хочу ли я умереть.

– А ты? – охнул Будто. На его желтой шерсти звенели ожерелья и кольца – Будто нравилось копаться в игрушках первого пирата и присваивать их.

– Я сказал, что нет.

Клап-Клап был совсем маленьким гремленом, которому еще не исполнилось двух сотен ночей. Насытившись, он лег спать. Остальные гремлены любили его и присматривали за маленьким братом.

Иккен молчал. Он жил под куполом дольше всех и хмурился, когда другие гремлены веселились. Его красная шерсть была во многих местах опалена. Иккен таскал с собой большой железный щит с деревянной ручкой и никогда с ним не расставался.

– Это только отсрочка, – вдруг произнес Иккен, и все смолкли, прислушиваясь к его словам: – Безумный пират всех нас угробит. Он порвет вам глотку, а вы даже не поймете, за что. А ты, – красный гремлен указал на меня. – Ты ненормальный.

Иккен закрылся щитом и уснул. Я попрощался с гремленами и ушел на другой конец зала, где лег в обнимку с лазурным коконом, чтобы согреть его своим теплом. Ари-Ару обязательно поправится.

Оникс неподвижно рассматривал кубик с разноцветными гранями.

А следующей ночью первый пират убил Будто. Мы играли в кости, когда Оникс появился за спиной у желтого гремлена и сомкнул челюсти на его горле. Первый пират одним куском сломал Будто шею, и тот безвольно повис в хватке чешуйчатого гремлена. Миг спустя мертвое тело упало на пол. Я смотрел в огромные желтые глаза, спокойные и внимательные.

– Это мое, – Оникс указал на побрякушки, украшавшие труп: – Он желтого цвета?

– Да, – тихо произнес я. Остальные гремлены уже разбежались и попрятались. Я остался наедине с первым пиратом.

Оникс замер, словно прислушиваясь. Я наострил уши – и услышал крики и топот. Первый пират направился к выходу, повернул массивную дверь и вышел наружу. Я последовал за ним.

У входа собралась сотня вооруженных гремленов. Одни держали в лапах вилы, другие серпы, третьи – рогатки. Толпа гомонила и буянила, но как только чешуйчатый вышел на порог, болтовня стихла.

Серый пират с вилами выпихнул черного гремлена, закованного в цепи:

– Первый пират! Мы потеряли восемь кораблей, прежде чем взяли мельный остров. Таких потерь никогда не было. Все из-за него, – гремлен сплюнул. – Этот руководил обороной и положил десять наших, прежде чем мы его скрутили.

– Какого он цвета? – спросил Оникс.

– Черного, первый пират. Он такой один, остальные бежевые.

– Говори, черный, – потребовал Оникс.

Черный гремлен встал. Его лапы были в запекшейся крови и ссадинах из-за цепей, уши оборваны, а когти выдраны. Черный внимательно посмотрел на чешуйчатого. Оглядел толпу, поднял голову к ночному небу. Я тоже посмотрел на небо.

– Когда наши корабли пробьют вашу оборону, вы отправитесь на дно Белого моря. Мы убьем ваших отцов, матерей, сыновей, вырастим райз в центре этого острова и насадим ваши головы на красные шипы. Ни дождь, ни пламя, ни буря не остановят нас. Мир жесток, – сказал черный гремлен. Он говорил уверенно и спокойно, а роковые слова прозвучали как пророчество. Черный гремлен ждал смерти.

Оникс набрал полную грудь воздуха и выдохнул струю серого пламени. Меня обдало жаром, и я отскочил от первого пирата, задыхаясь и кашляя. Черный гремлен горел, кожа и мясо сползали с трескающихся костей, пока он не превратился в пыль. Огонь зацепил троих пиратов, и они начали кататься по земле, пытаясь сбить пламя. Железный шлем на голове первого пирата расплавился и, шипя, стек по серой чешуе на землю.

– Курс на остров черных гремленов, – прошипел Оникс. – Найдите их.

– Есть, первый пират! – взревела толпа.

Горящие гремлены перестали дергаться. В месте, где бушевало пламя, оплавился и почернел серый материал. БРУМ-БРУМ, БРУМ-БРУМ!!! Ритм барабанов, к которому я привык, изменился. Стук ускорился, стал агрессивней. И вместе с ним заворочался скайдл Борд. Земля под лапами ушла вбок, и я упал на четвереньки, чтобы не покатиться кувырком.

С той ночи, когда изменился ритм барабанов, пираты начали возвращаться на скайдл. Плавающий остров обрастал кораблями, и каждый капитан приходил с дарами для Оникса. Помимо новых игрушек, первый пират забрал маленького оранжевого гремлена по имени Тикки. Тикки любил небылицы: про зефирный остров, на котором живут жирные розовые гремлены; про прозрачную воду, в которой можно купаться; про деревья, на которых растут плоды слаще зефира.

– Я тоже слышал эту сказку, – сказал я.

Пираты скайдла грабили новые острова, и все чаще злая толпа приводила к Ониксу черных гремленов. Черные гремлены грозили отмщением и гибли в огне. Они говорили разные слова, но всегда заканчивали фразой: «Мир жесток».

Оникс убивал. Иккелу не помог железный щит – первый пират выпустил струю огня, и железо растеклось по полу. Маленького Клап-Клапа чешуйчатый задушил, а когда Вроа бросился на помощь, Оникс разорвал ему брюхо когтями. Вроа мучился всю ночь, прежде чем погиб. На смену старым гремленам приходили новые, других цветов, с другими историями, с других островов, и все они становились одинаковыми, когда Оникс забирал их жизни.

Оникс не трогал только меня. После убийств он спрашивал, какого цвета были мертвые гремлены. А я отвечал и ждал, когда наступит мой черед. Но время шло, а Оникс не торопился меня убивать.

Я начал хоронить. Я собирал в кучки то, что оставалось от мертвых – тела, кости, пепел – и ставил неподалеку игрушку в память о них. На труп Будто я надел желтое ожерелье, пепел Иккелена спрятал под деревянным щитом, а у костей Тикки положил книгу сказок. Кости гремленов, что были здесь раньше, я собрал в одну большую кучу и накрыл одеялом с рисунком костяной клетки. Оникс не обращал внимания. Вскоре часть зала превратилась в кладбище.

– Оникс не тронет вас, только не злите его и не попадайтесь на глаза. Я добуду зефир. Пожалуйста, не разговаривайте с ним и не трогайте его вещи, – говорил я новым гремленам, попавшим под купол. Они верили мне, ели зефир, веселились, с опаской поглядывали на чешуйчатого пирата. А потом я хоронил их, а рядом оставлял игрушку.

Спустя тридцать ночей я перестал знакомиться с новыми гремленами. Я начал жить на краю зала, где построил гнездо, в котором спрятал кокон Ари-Ару.

– Хочу есть, пожалуйста.

– Какой цвет красивей: синий или зеленый?

– Синий.

– Зефир в коробке справа.

Я находил несколько засохших зефирок и уходил. Ониксу было без разницы, как я отвечу на вопрос. У меня не было друзей, а дружить я не хотел. Месяц спустя я стал похож на Иккелена, только не носил с собой щит, потому что знал, что если первый пират захочет меня убить, то железо не поможет.

А потом вылупилась Ари-Ару.

Лазурный кокон треснул, и наружу высунулась мокрая белая лапка. Лапка скovyрнула когтями часть кокона, и раздался хруст пережевываемой оболочки. Ари-Ару съела шестую часть кокона и снова заснула. Я заглянул в отверстие и увидел мокрую морду спящей Ари-Ару. На всякий случай я просунул ей несколько зефирок. Чтобы Оникс не догадался, что она поправилась, я накрыл кокон плюшевым многоногом.

Но уже на следующую ночь Ари-Ару доела кокон. Она была очень слабой, не открывала глаз, все время спала и просыпалась только для того, чтобы поесть. Я скормил ей весь запас зефира. Когда она ворочалась или сопела, я зажимал ее рот лапой, чтобы Оникс не услышал.

Ари-Ару изменилась. Ее лапы удлинились, превратившись в огромные перепончатые крылья, заканчивающиеся страшными когтями. На ушах появились кисточки, хвост удлинился, а лапы стали крепче. Клыки увеличились и заострились.

Я никогда боялся первого пирата так, как сейчас, когда вылупилась Ари-Ару. Я перестал спать, но когда впадал в дрему, то видел, как Оникс сжигал крылатую самку и от нее ничего не оставалось, а я никак не мог найти игрушку белого цвета – такую же красивую, как Ари-Ару. У меня начал дергаться глаз и щека, я все время спотыкался на ровном месте, а мои когти стали хрупкими, часто ломались и кровоточили. Весь зефир, что получалось добыть у Оникса, я отдавал Ари-Ару.

– Ты умираешь, – однажды сказал первый пират.

Я хотел ему ответить, но получился только хрип. Горло пересохло и болело.

– Я не бью тебя, кормлю зефиром, но ты все равно умираешь, – повторил Оникс. Он встал и зашагал к гнезду, где спала Ари-Ару.

Я вцепился в его лапу и укусил ее, сломав три зуба. Оникс остановился. Он поднял меня и спросил:

– Почему ты совсем меня не боишься?

Я попробовал достать до его горла, но даже не смог поднять лапу.

– Ты никогда не боялся, – решил первый пират.

Больше всего хотелось умереть до того, как Оникс убьет Ари-Ару. В ушах гремело. Я подумал, что это стучит мое сердце, но потом понял, что ритм барабанов вновь изменился. Он стал тревожным. Первый пират прислушался.

А потом купол треснул, и гигантское ядро, разнося стены и потолки, грохнулось неподалеку от нас, проделав глубокую дыру в полу. Оникс уронил меня и прыгнул в проем, откуда доносился такой грохот и вой, что заболела голова. Я прижал уши и пополз к гнезду Ари-Ару. Вооружившись двузубцем, я присел у ее задних лап.

Остальные гремлины Оникса разбежались. Снаружи гремело и трещало, пол трясся, изредка раздавались крики и вопли. Ари-Ару заворочалась, засопела, а потом открыла глаза.

– Лак-Лик, – прошептала она и зажмурилась – рядом с куполом прогремел взрыв. Ари-Ару протерла глаза, потянулась, разминая суставы. Посмотрела на меня и испуганно спросила: – Что с тобой? Где мы?

– Ари-Ару, – улыбнулся я.

Из-за кучи сокровищ выбежал черный гремлин с копьем. Из-за грохота я не заметил, как он вбежал под купол. Я подумал, что наступило самое время ткнуть его двузубцем, но вместо этого стоял и смотрел на него. Наверняка он пришел сюда убивать. Но я не мог просто взять и ткнуть гремлина опасным оружием.

А он мог. Я уронил двузубец, и упал с острием копья в животе. Стало очень больно и холодно. Я услышал, как взревела Ари-Ару и налетела на черного гремлина. Она разорвала его на куски, расшвыривая в стороны лапы и уши. Затем Ари-Ару подошла ко мне, подняла и сказала:

– Белое море, какой ты легкий...

Я прижался к ней. Ее белоснежная шерсть слиплась, забрызганная кровью черного гремлина. Очень хотелось спать. Я закрыл глаза и почувствовал, что мы отрываемся от пола. Снизу раздались разъяренные крики. Рядом с ухом пролетел камень. Ари-Ару летела, удерживая меня задними лапами.

– Не засыпай, Лак-Лик. Только не засыпай.

Потом она замолчала. Я слышал, как испуганно она дышит, и чувствовал, как напряженно сокращаются ее мышцы. Мы подлетели так высоко, что отсюда наверняка было видно весь скайдл Борд, объятый пламенем войны. В нос ударил едкий запах дыма. Я очень боялся высоты, поэтому не стал открывать глаза. Черные гремлины пришли мстить. Они сдержали слово. Они убьют отцов, матерей, сыновей, а в центре скайдла посадят райз и насадят на его красные шипы наши головы. Их не остановят ни дождь, ни пламя, ни буря. Мир жесток.

Захотелось спать. Мое дыхание замедлилось.

– Не засыпай! Не засыпай! – встряхнула меня Ари-Ару, и я постарался взбодриться. Вскоре она сбилась с дыхания, и мы начали снижаться. Я понял, что она устала. Ари-Ару поправилась совсем недавно.

Я открыл глаза. Мы летели над горящим островом. Горизонт пылал, заполненный черными флагами, с которых скалились серебряные черепа. Пираты отбивались неровными разношерстными кучками, атакующие наступали ровными уверенными клиньями. Словно черный гвоздь вбивали в серую пятнистую доску. Изредка со стороны черных прилетали тяжелые ядра и дробили строения скайдла и корабли пиратов. Один из барабанов лопнул, разрушенный выстрелами огромных рогаток, и ритм острова сбился.

– Не спи! Не спи! – повторяла Ари-Ару. Я очень хотел ее послушаться.

Пираты бежали со скайдла. С противоположного берега отплывали корабли, один за другим, спасаясь с горящего острова. Мы летели к пристани. Глаза слезились, но на одной из серых обшивок я разглядел надпись «Огл». Полет Ари-Ару стал неуверенным, мы начали двигаться рывками и вскоре резко пошли вниз.

Мы приземлились у пристани, рухнув в груды грязных мешков. Здесь тоже шел бой. Пираты дрались за места на оставшихся кораблях. Ари-Ару разорвала когтями мешок, в котором оказалась куча белого, лишнего запаха порошка, и перевязала мою рану. Она перекинула меня за спину и привязала к себе, а потом мы начали прорываться к лодкам.

Ари-Ару всегда была сильной, но сейчас даже Раг-Баг не сравнится бы с ней. Она разбрасывала гремлинов перед собой, словно они были плюшевыми, а когда пираты поняли, что лучше не становиться на пути Ари-Ару, она забрала маленькую лодку с парой весел и разорвала сдерживающую эту лодку веревку.

Глава 4. Черные гремлины

Я стоял на пятнадцатом балконе железного острова. Все вокруг затопило белое море. От него шел едкий пар, а вздох спустя белая вода забулькала. В воздухе поднимались бесформенные переливчатые пузыри, они лопались, разбрызгивая едкую кислоту, и в местах, куда падали мутные капли, шерсть выпадала, а кожа краснела и жглась. Сильный ветер дул то влево, то вправо, стараясь скинуть меня с платформы в булькающий яд.

Я сжался, чтобы не упасть. Кто-то звал меня. Я обернулся и увидел Бип-Боп на краю платформы. Его морда изменилась, и он превратился в Хек-Хака.

– Я говорил, надо было украсть корабль! Раньше не крал, а теперь украл!

Мне нечего было сказать. Тогда Хек-Хак надел маску с ухмыляющимся серебряным черепом, обернулся черным гремлином и воткнул мне копье в живот. Я почему-то не мог двигаться, и лезвие вонзалось в живот снова и снова. Это было очень больно.

– Лак-Лик, проснись! Не спи!

Черный гремлин пропал, а море перестало бурлить. На этот раз я оказался в раскаленных подземельях железного острова, и в конце коридора было видно коробку с плюшевыми шестеренками. Я побежал к ней, но устал уже на третьем шаге, а потом мои лапы пригорели к полу и задымились. Они тлели и искрились, пока пламя не охватило меня целиком. Я закричал.

– Лак-Лик, очнись! Просыпайся!

Море исчезло. Вместо него до самого горизонта простиралась суша из серого оплавленного материала. Небо покраснело, забрезжил рассвет. Я искал, где спрятаться, но равнина была плоской, без единого холмика. Над горизонтом поднялась яркая светящаяся голова Оникса.

– Почему ты не боишься меня? – спросил первый пират и выдохнул струю пламени размером с остров. Огонь поглотил меня, я загорелся и ослеп. В ушах застучали барабаны скай-для Борд: БРУМ-БРУМ!!! Кто-то открыл мне пасть и залил огонь прямо в горло.

– Лак-Лик, пожалуйста! Очнись, умоляю...

Я ворочал весла на корабле. Моим напарником был Ког, на его лапах не было перчаток. И кистей тоже не было. Мне пришлось грести за двоих. Кто-то ударил меня палкой по спине. Это была Дырявый Плащ. За спиной появлялись другие пираты: Отвертка, Полосатый Шарфик, Швец-Швец и еще три раза Швец. Они бились и требовали, чтобы я усерднее работал. Я грел, пока не затрещали кости и не завывли растянутые мышцы. Хотелось прыгнуть за борт, в Белое море. Но я продолжал грести, ворочая весло, встречая огненный рассвет и плаваясь в брызгах переливчатых пузырей.

Я открыл глаза.

Было темно и сыро. Я вспотел, покрылся мылом и меня трясло. На секунду показалось, что я дома, в норе, но пол почему-то покачивался. Я понял, что плыву в лодке. Верх был закрыт – значит, снаружи пылал день.

Рядом кто-то сопел. Я огляделся. Ари-Ару спала сбоку, укутав меня в мешки и накрыв крылом. Мою рану на животе скрывала окровавленная перевязь. Я стянул ее и ковырнул когтем засохшую корку. Рана воняла. Если не загниет, корка отвалится, а потом шрам зарастет шерстью и его не будет видно. Еще в лодке валялись весла и тазик зефира.

– Лак-Лик, проснись, – пробурчала Ари-Ару во сне. Я прижался к ней и заснул. На этот раз мне не снились кошмары.

После полуночи Ари-Ару выговаривала меня:

– Ты уснул! Я говорила тебе ни в коем случае не засыпать, а ты уснул!

– Прости, – извинился я и чихнул.

– Тебя все еще лихорадит. Ешь. Чем больше съешь, тем быстрее поправишься, – Ари-Ару протянула мне три зефирки. Это все, что у нас осталось.

– Полторы тебе, – сказал я.

– Ешь все!

– Нет.

Тогда она попыталась силой заставить меня съесть зефир, запихнув его в пасть, но я так крепко сжал зубы, что ей пришлось бы сломать мне челюсть. Ари-Ару десять минут бесилась, а потом мы съели по полторы зефирки. Она отвернулась от меня и дулась целых полчаса, но потом любопытство взяло верх, и Ари-Ару засыпала меня вопросами, пытаясь узнать, что же произошло, как мы оказались на том острове, откуда все эти разноцветные гремлины и так далее.

Я рассказал ей почти все, умолчав о некоторых вещах. Я не хотел расстраивать Ари-Ару смертями незнакомых ей гремлинов. Она слушала, как замороженная, ее хвост ходил ходунком, а кисточки на ушах иногда подрагивали. Когда я замолчал, она обняла меня и лизнула в щеку, и сказала, что никогда меня не бросит, даже если я превращусь в плюшевую шестеренку некрасивого цвета. А я ничего не говорил, потому что горло пересохло после долгого рассказа и очень хотелось спать.

Мы плыли вдвоем в маленькой лодке посередине Белого моря, и до самого горизонта не было ничего, кроме воды. Я разглядывал Ари-Ару, а она молчала и украдкой на меня поглядывала, краснея.

– Можно потрогать? – спросил я, показав лапой на ее крылья.

– Да, – она смутилась и раскрыла правое крыло. На ощупь оно было очень мягким, теплым и сильным, а пахло потом и быстрым ветром. Ари-Ару пощекотала меня хвостом и захихикала, когда я его поймал. Он тоже стал толще, сильнее и пушистей. Ари-Ару замолчала, и мы оказались совсем рядом. Мысли затуманились, и мне показалось, что я чувствую запах...

– ПИРАТЫ!!! – прозвенел громкий голос.

Лодка заходила ходуном, и мы упали на дно, цепляясь за бортики. Правый борт тянул вниз морской дьявол, стараясь перевернуть лодку. Он с удивлением уставился на меня.

– ХА! Я ТЕБЯ ЗНАЮ! – заявил он и выровнял лодку. – Да! Ты тот самый Лак-Лик, спасатель пиратов в перчатках!

Он начал давить на борт с удвоенной силой. Ари-Ару схватила меня задними лапами и прыгнула вверх, за несколько взмахов крыльев оказавшись высоко в воздухе. Морской дьявол наблюдал за нами широко открытыми глазами.

– Ничего себе! Ух ты! – закувыркался он в воде. – Летающие пираты!

– Мы не пираты, – сказал я.

– Не трогай нашу лодку! – разъярилась Ари-Ару.

– Теперь это мой корабль! Ха! Гляди, Йота! Летающие пираты без корабля!

– Я тебе голову проломлю! – зарычала Ари-Ару.

– Попробуй! – захохотал морской дьявол и брызнул водой, едва не достав до нас.

– Мы не пираты, – повторил я. – Пожалуйста, не топи нас.

Морской дьявол сделал несколько кругов вокруг лодки и сказал:

– Что скажешь, Нано? Ладно. Но только если летучка попросит прощения!

– Еще чего! – Ари-Ару взбесилась и тоже начала летать кругами. – Я тебе хвост отгрызу!

Я тебе уши оторву!

– Но у меня нет ушей! – плескался внизу морской дьявол.

– Не надо нас топить, – попросил я. – Умирать в воде очень больно.

Он поплавал еще немного и нехотя протянул:

– Ну-у-у... ладно...

Мы приземлились обратно в лодку, с опаской посматривая на морского дьявола. Гладкокожий греmlin с любопытством разглядывал нас, облокотившись на бортик.

– А почему у пиратов такой маленький корабль?

– Мы не пираты, – буркнула Ари-Ару.

– Ха! Все знают, что вне Черного Архипелага плавают только пираты! Им недавно крепко досталось. Они бежали, как трусы, со своего неприступного скайдла, а я ловил их и топил – одного за другим! И вас тоже потоплю, да, Милли?

– Не топи нас, – попросил я.

– Сами скоро утонете. Плаваете на каком-то корыте. Днище уже наполовину разъело. Еще ночь – и пойдете ко дну.

Я посмотрел на днище лодки. Материал действительно прохудился и словно стал в два раза тоньше. Я взялся за весла и попробовал их поворочать – но живот скрутило болью, и я чуть не упустил весло. Ари-Ару уложила меня на бортик и сама начала грести.

– Чем занимаетесь? – любопытствовал морской дьявол.

– Гребем, не видишь? – рыкнула Ари-Ару.

– Ха! До ближайшего острова грести еще три десятка ночей! Пираты тонут без меня, вот умора. Как думаешь, Йота?

– Кто такая Йота? – спросил я.

– Это мой друг. У меня много друзей! Вот это – Йота, – морской дьявол показал на пустой бортик. – Она любит доедать то, что остается от пиратов и смешные шутки. Несмешные тоже любит, но не так. А вот это – Милли, – морской дьявол показал куда-то в воду, где ничего не было: – Милли молчун и умеет плавать почти так же быстро, как я. А вон там...

– Там никого нет, – прервал его я.

Морской дьявол так изменился в морде, словно его проткнули копьем.

– Там полно моих друзей! Самых настоящих! Много!!! – зазвенел он.

Совсем недавно у меня тоже было много друзей. Я похоронил их всех под куполом первого пирата. Я смотрел на морского дьявола, и его округлившиеся глаза, дерганые движения и громкий голос пугали до дрожи.

– Твои друзья воображаемые, – догадался я, и морской дьявол решительно нырнул вниз. Зря я это сказал. Мгновение спустя днище пробил трезубец, и вода бурным потоком начала заполнять лодку. Ари-Ару схватила меня и взмыла в воздух. Не успели мы подлететь, как наш маленький корабль утонул.

– Прости, Ари-Ару, – произнес я. – Мне очень жаль.

– Не извиняйся, – буркнула она.

– У МЕНЯ НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ!!! – звенел морской дьявол. Он преследовал нас, брызгался водой и швырял трезубец, заставляя Ари-Ару уворачиваться и взлетать еще выше. Вскоре она начала прерывисто дышать и двигаться рывками. Все из-за того, что я очень тяжелый.

– Пусти, – сказал я и укусил Ари-Ару за лапу. От неожиданности она пискнула и выронила меня. Я полетел вниз. Ари-Ару закричала и камнем рухнула за мной. Глупая, так она погибнет вместе со мной. Я не хотел умирать. Но еще больше не хотел, чтобы умирала Ари-Ару.

Мы вместе грохнулись на что-то крепкое и оказались в сетях. Под нами появлялся корабль из черного материала. Его очертания возникали из воздуха: корабль из прозрачного становился видимым.

– Коричневого в лазарет. Крылатую в клетку, – приказал суровый голос.

– Есть, капитан! – согласился хриплый голос.

– Разворачивай корабль. Курс на Обсидиановый остров.

– Есть, капитан!

Меня куда-то поволокли лапы, покрытые черной шерстью.

Я оказался на столе, скованный железными кандалами так крепко, что не мог пошевелиться. Я смотрел в потолок и видел на нем рисунки суровых гремлинов, вооруженных мечами и пиками. Картинки были очень красивыми. Потолок заслонила черная морда:

– Моя имя Кварц, я врач. Будет больно, – предостерегла морда, и меня начали резать. Я пытался закричать, но пасть сдерживала фиолетовая плотная скоба, и получалось только грызть ее и стонать. Я хотел попросить врача Кварца, чтобы меня убили, выбросили за борт или посадили за весла, лишь бы не резали больше.

Через долгое время меня перестало лихорадить. Рана на животе болела, но больше не воняла. Кварц перевязал ее чистой розовой тканью, пахнущей металлом. Врач поднял полковину стола, чтобы я сел. Нора, в которой мы находились, была белой и уставленной коробками. Коробки отличались друг от друга цветом, размером и нарисованными на крышке знаками. Маленькие зеленые были прибиты к стенке, а крупные фиолетовые стояли на полу. Кварц сунул мне под нос пахучую палочку, и я закашлялся. После нее дышать стало легко.

Врач ушел и вернулся с другим черным гремлином. Незнакомец был очень красиво одет: плащ с поднятым воротником, повязка с большим серебряным черепом, фуражка с маленьким серебряным черепом и тяжелые сапоги с дыркой для когтей. Живот стягивал пояс с бляхой – серебряным черепом. Очень красивый. Все черное, чистое и целое. У пиратов было много одежды, но с дырками и кляксами, а на черном гремлине не было даже пятнышка.

– Я капитан Рвака, а это – фрегат «Пятый Коготь» флота Черного Архипелага. Повтори.

– Я капитан Рва... – начал я.

– Не ты, а я, – прервал капитан.

– Вы капитан Рвака, а это – фрегат «Пятый Коготь» флота Черного Архипелага.

– Верно. Я буду задавать вопросы, а ты – отвечать. Если не будешь отвечать, то тебя изобьют и выкинут за борт. Ясно? Отвечай.

– Да.

– Не «да», а «так точно». Ясно?

– Так точно.

– Начнем. Твое имя?

Капитан записывал ответы на маленький листочек. Он спрашивал, откуда я, из какого материала сделан мой остров, как я попал к пиратам, что умею делать, умею ли читать и писать и многое другое. Я ответил на все вопросы, потому что не хотел, чтобы меня избили и выкинули за борт. Капитан приклеил листочек к твердой пластинке и помазал кисточкой сверху.

– Это твой кард. По нему понятно, кто ты такой. Без карда ты шпион. Шпионам отрубуют головы и насаживают их на шипы райза. Ясно?

– Так точно.

– Пока ты пленник и тебе не полагается кард. Поправляйся. Мы плывем в столицу Черного Архипелага. Вопросы есть?

– Так точно.

– Задавай.

– Где Ари-Ару?

Капитан замолчал. Врач тоже молчал, и стало очень тихо. В этой тишине я расслышал повторяющийся стук и яростный вопль: «Где Лак-Лик?!»

– Она жива, – ответил Рвака.

Капитан ушел, а Кварц помахал у меня под носом другой пахучей палочкой. У нее был очень едкий и успокаивающий запах.

– Я тут, Ари-Ару, – прошептал я, слабей.

Следующей ночью меня водили по мастерам фрегата. Первым был мастер зубов.

– Сражался раньше?

– Нет.

– Возьми двузубец. Покрути. Сделай три выпада. Выпад – это резкий укол зубцами. Понятно, – мастер зубов что-то написал в карде и отправил меня к следующему мастеру.

Иногда во фрегат что-то врезалось, и черные гремлены начинали бегать и кричать, поворачивая весла и целясь из огромных пушек в воду. Капитан хмурился и командовал, а остальные его слушались. На «Пятом Когте» гребцами были все, меняясь по очереди, и никого не приковывали к веслам и не били палками. Черные гремлены были послушными и дисциплинированными.

Мастера задавали мне вопросы и отправляли дальше. Мне стало стыдно. Я не сделал ничего плохого, но после сотни вопросов, на которые я ответил «нет», или «не знаю», или «не умею», было очень грустно. Я хотел, чтобы какой-нибудь мастер спросил, умею ли я перекидывать плюшевую шестеренку за спину или стоять на голове. Тогда бы я сказал: «Конечно!»

Но больше всего я хотел увидеть Ари-Ару. Капитан пообещал, что пустит меня к ней, как только я разберусь со всеми делами. Все дела – это какие?

Последний мастер назывался мастером воли.

– Господин матрос, – я уже знал, что гремленов не капитанов и не мастеров звали матросами. – Подскажите, где находится нора мастера воли?

– Каюта. Не нора, а каюта. Ясно? – спросил гремлин-матрос с оранжевой шерстью. Многие гремлены на корабле были других расцветок. Но черных было больше всего.

– Так точно.

Синий указал на верхнюю палубу. Там стояла каюта мастера воли, расположенная даже выше каюты капитана. Я полез по лестнице, стараясь двигаться так, чтобы не болел живот, и постучал, когда забрался наверх. Никто не открыл.

Я ждал целый час, а когда мне надоело ждать, оказалось, что я уже внутри.

Шерсть мастера воли была покрыта тусклыми разводами и линиями, а его фиолетовые глаза ярко светились. Он словно весь состоял из двух глаз, а остальное тело было размытой тучкой, двигающейся за зрачками.

Каюта была пустой. В ней ничего не было. Когда я попытался разглядеть что-нибудь, закружилась голова.

– Скайя – мое имя, – прошептал мастер воли.

– Меня зовут Лак-Лик.

– Теперь Лак-Лик во власти Скайи. Лак-Лик бережет имя или оказывается в чужой власти.

– А Скайя во власти Лак-Лика? – спросил я.

Мастер воли захихикал, и смех эхом разлетелся по каюте.

– Нет, потому что Скайя обманул. Садись.

Я сел на стул, которого раньше не было.

– Лак-Лик пытается увидеть, что в углу.

– В каком?

– В любом.

Я очень долго смотрел в левый нижний угол, но ничего там не увидел. Тогда я решил попробовать другой, но тоже ничего не получилось. Взгляд уплывал в сторону, в глазах двоилось, голова кружилось. Я очень старался, и скоро меня начало тошнить.

– Хватит. Лак-Лик пытается сдвинуть чашу весов вниз, – Скайя-не-скайя достал из воздуха маленькие весы.

– Какую?

– Любую.

Я хотел встать и положить лапу на весы, но оказалось, что я могу только вертеть головой, которой не дотягивался до весов.

– Лак-Лик смотрит на весы и думает, как сильно он хочет их сдвинуть. Все мысли Лак-Лика о весах и движении. А когда Лак-Лик соберет достаточно мыслей, он скажет: «Бу!». И весы сдвинутся.

Я смотрел на весы и думал, как велел мастер воли. Я думал очень долго, пока не заболела голова, а потом сказал: «Бу!». Но ничего не произошло.

– Лак-Лик смотрит на весы и думает, что его жизнь зависит от того, сдвинет он весы или нет. Все мысли Лак-Лика о весах и движении. А когда Лак-Лик соберет достаточно мыслей, он скажет: «Бо!». И весы сдвинутся.

Когда мне показалось, что я разучился думать о чем-нибудь, кроме весов, я сказал: «Бо!». Но ничего не произошло.

Скайа переместился. Теперь он был у окна, хотя раньше в каюте не было окон.

– Лак-Лик редкий греmlin. Любой может чуть-чуть сдвинуть весы. Мастера воли могут погнуть весы или расплющить. А Лак-Лик не может ничего, – Скайа улыбнулся. Раньше он был похож на глаза и тучку, а теперь ходил на глаза, тучку и зубы.

Я оказался снаружи каюты с кордом в лапах. Это был последний мастер, и я со всех лап побежал к капитану Рваке.

– Все дела сделаны, – я протянул корд капитану.

– Отлично, – капитан забрал корд. – Мы подходим к Живому морю – западной границе Черного Архипелага. Мне нужен абсолютный порядок на корабле. Утихомирь крылатую, или мы ее убьем. Фланклин проводит тебя к ней.

Корабль содрогнулся вместе с воплем: «Выпустите меня!» Я пошел за матросом, которого звали Фланклин.

Тюремный трюм походил на поле боя. Погнутая клетка с изломанными прутьями была обмотана поцарапанными цепями и забаррикадирована железом. Рядом дежурили полдюжины вооруженных матросов с рогатками и двузубцами. Внутри бесновалась Ари-Ару, потихоньку выламывая детали своей тюрьмы. Мы с Фланклином подошли ко входу, дежурные быстро отперли клетку, а меня закинули внутрь. За спиной щелкнул замок.

– Ты! – взбесилась Ари-Ару. – Ты прыгнул в воду! Самоубийца! И ты укусил меня!

Я хотел сказать, но Ари-Ару наступала на меня, выталкивая в угол клетки.

– Как ты мог так поступить? Особенно после того, что я сказала?

Я оказался зажатым в углу.

– Теперь мы в этой глупой клетке море знает где! А все из-за тебя! И ты чуть не умер!

Я никогда не видел Ари-Ару такой страшной. Она расправила крылья с ужасными когтями на концах. Хвост за спиной яростно извивался и лупил по полу. Ари-Ару щелкала клыками, длинными и острыми. И она распушилась, став больше и опасней. Я сжался в углу и закрыл лапами глаза.

– Эй, Лак-Лик, ты чего? – тревожно спросила Ари-Ару. – Я не хотела тебя пугать. Лак-Лик!

Она села рядом и обняла меня, а потом лизнула в нос.

– Извини, извини, извини!

Я обнял ее и сказал:

– Ты тоже извини.

Мы помолчали немного.

– Мы пленники, да?

– Капитан Рвака сказал, что мы станем боевичками. Я не знаю, что это такое, но меня вылечили и дали корд, – я рассказал про «Пятый Коготь» и его порядки. Подумал немного и добавил: – Никому не говори свое настоящее имя.

Она кивнула.

– Я капитан Рвака, а это – фрегат «Пятый Коготь» флота Черного Архипелага. Повтори, – потребовал черный греmlin у Ари-Ару, когда мы поднялись на верхнюю палубу.

Ари-Ару насупилась и молчала. Я дернул ее за лапу.

– Ты капитан Рвака, а это – фрегат «Пятый Коготь» флота Черного Архипелага, – пробурчала она.

– Отлично, – кивнул капитан. – Ты сильна, вынослива и умеешь летать. Такие гремлины нужны Черному Архипелагу. Я вижу, что ты недовольна и не желаешь подчиняться. Это понятно. Когда мы доберемся до обсидианового острова, твое мнение переменится. Черный Архипелаг это не только долг и служба, но и родной дом. Пройдем в каюту – нужно сделать кард.

Мастера восхищались Ари-Ару. Мастер рогаток хвалил и улыбался, когда она выбила три мишени из трех, мастер зубов уважительно хмыкал, наблюдая за ее молниеносными движениями, а что спрашивал мастер воли, я не знал, но от него Ари-Ару ушла довольной и сказала, что ей удалось перевесить весы и разглядеть в углу полку с игрушками. Ари-Ару пришла в хорошее настроение и вела себя, как дома.

– А тебе что написали? – Ари-Ару показала свой кард, в котором были нарисованы улыбочивые рожицы, а напротив пункта с двузубцами – рогатая и зубастая морда. Мой кард был у капитана, и в нем были только пустые кружочки.

– Сказали, что я здорово стою на голове и... неплохо сражаюсь, – соврал я и покраснел.

– Врунишка! – захихикала Ари-Ару и повалила меня. Она радовалась.

Капитану не понравился шум на палубе, и он отправил нас в трюм, приказав вести себя тихо и не путаться под лапами у матросов. Мы опять сидели в клетке, только теперь она была открыта, а по дну решетки была разбросана мягкая вата. Матросы не любили бездельников и заняли нас работой: пришлось чинить сломанные прутья, красить поцарапанные цепи и драить полы. К рассвету я сильно измотался и уснул, как только лег на вату. Ари-Ару смущенно потрепала меня по голове, а потом засопела рядом.

Фрегат все еще иногда сотрясали тяжелые удары.

Следующей ночью поймали морского дьявола.

– Пустите! Пустите!!! – звенел его голос. Мы с Ари-Ару побежали наверх.

Команда «Пятого Когтя» радостно верещала вокруг беспомощного гладкокожего греmlина в сетях, валяющегося на палубе. Под морским дьяволом расплылась лужа, разъедающая краску и доски. На пленника нацелились несколько рогаток и двузубцев. Неподалеку стоял вспотевший мастер воли Скайа и серьезный капитан Рвака. Морской дьявол перестал кричать, он хватал ртом воздух, а его ноздри-щели все время открывались и закрывались.

– За последние два дня мы чуть не пошли ко дну из-за этого греmlина, – сказал Рвака. – Но его необычность и сила впечатляют. В клетку его. Адмирал решит, что с ним делать.

Четыре матроса схватили сеть, собираясь утащить ее в трюм.

– Он задыхается, – сказал я.

Капитан остановил матросов. Морской дьявол ослаб и лежал неподвижно, только его ноздри раздувались в бешеном ритме. Трезубец выпал из перепончатых лап и покатился ко мне.

– И правда. Что ж, отпускать его нельзя – он утопит фрегат.

– Он задохнется, – объяснил я.

– Если не может помочь Черному Архипелагу, пусть умрет, – Рвака поднял воротник. – Мир жесток.

Морской дьявол открыл глаза. Он смотрел прямо на меня и разевал рот, словно хотел что-то сказать. Если бы его друзья Нано, Милли и Йота были настоящими, они бы помогли ему.

Я поднял его трезубец и ударил по сети, сделав в ней большую дыру.

Меня тут же схватили и повалили на пол. Четыре матроса бросились к морскому дьяволу, но он брызнул водой – и они покатались по палубе, пища и стряхивая шипящую кислоту. Гладкокожий греmlin вывернулся из сетей, выхватил у меня трезубец, одним прыжком перелетел за борт, нырнул в воду и исчез.

Посыпались удары. Ари-Ару бросилась на помощь, но перед ней возник Скайа. Мастер воли сказал: «Ба!», и Ари-Ару упала на палубу. Кто-то больно треснул меня по затылку.

Когда пришел я очнулся, то обнаружил себя парящим над морем. Белая жидкость плескалась снизу, и ее брызги почти доставали до подушечек лап. Я поджал хвост. Конечности затекли и болели – я подвигал ими и понял, что привязан спиной к носу корабля. От кислоты меня отделяли скобы на лапах и расстояние в два хвоста. Я попробовал позвать на помощь, но в пасти был кляп, и получилось только мычание.

– Ты наказан за непослушание, – услышал я голос капитана. – Если переживешь эту ночь, мы вернем тебя на борт.

Он ушел. Я смотрел на воду и втягивал живот или поджимал лапы и хвост, когда она брызгала слишком высоко. Надеюсь, Ари-Ару не станут наказывать – она ведь ничего не сделала. Одна капля попала на хвост и разъела шерсть. Я замычал от боли и поднял хвост еще выше, обмотав им лапу. Выжил ли морской дьявол и о чем он сейчас думает?

«Пятый Коготь» ускорился. Брызги поднимались выше, едва не доставая до морды. Если хотя бы одна капля попадет в глаз, я ослепну. Я прижался к черному материалу и задержал дыхание. На корабле Раг-Бага так не наказывали, иначе бы никто не выжил – ведь они плавали под водой.

Море изменилось. Оно стало более белым и менее прозрачным. Появился едкий запах, от которого заболели нос, глаза и уши.

Корабль начал поворачивать, и один всплеск достал до задней лапы. Кислота разъела кожу, и кровь закапала в воду. Я судорожно задержался, пытаясь лизнуть раненую лапу, и заплакал. Слезы для слабых – говорили гремлины Железного острова. Я и был самым слабым.

В воде кто-то был. Несколько темных силуэтов показались рядом с бортами. Массивные, длинные, отличающиеся от гремлинов. Из воды высунулась продолговатая морда и оскалилась четырьмя рядами острых зубов. Такая пасть могла перекусить меня пополам. У монстра не было глаз, вместо них шевелились белесые усики. Чудище хрюкнуло и направилось в мою сторону.

Один монстр выпрыгнул из воды, шелкнув челюстями у моего живота. Повезло – как раз в этот момент качнулся корабль, и хищник не дотянулся до кожи. Наверное, это и было то самое Живое море, о котором упоминал капитан.

Они убьют меня. Не спастись. Я хотел попросить их не есть меня, но невозможно разговаривать с кляпом во рту. Помогите мне, Ари-Ару.

Второй, более крупный монстр разогнался и прыгнул. Этот точно допрыгнет. Какие для него гремлины на вкус?

Синяя молния врезалась в хищника и насквозь пробила тушу трезубцем. Морской дьявол нанес еще два удара, разорвав чудовищу голову и брюхо, а потом нырнул в воду и скрылся. Монстры загудели – низко, тяжело и злобно. Еще один прыгнул за мной.

Трезубец подбил его в начале прыжка, изрезав спину и хвост на куски. Во все стороны полетели брызги, но они почему-то не попадали на мою шерсть. Хищники озверели и начали гоняться за морским дьяволом, забыв про меня.

Морской дьявол убивал молча. Он был быстрее, сильнее и увереннее. Его удары кромсали чудовищ на части, круша кости и выбивая клыки. Монстров прибывало все больше, гудение становилось громче и злее.

Перед рассветом меня отцепили от носа корабля и на веревках подняли на борт. Я не чувствовал лап. Вся команда вместе с капитаном и мастерами собралась на корме. Морской дьявол убивал всю ночь. До самого горизонта море окрасилось красным от крови мертвых хищников.

– Накормите его и в клетку, – сказал капитан Рвака и закашлялся. Он выглядел постаревшим: – Разговоры потом.

Ари-Ару спала на холмике из ваты, напротив нее сидел напряженный мастер воли и ворчал под нос. Когда меня привели, Скайа ушел, а клетку закрыли на замок. Я долго вылизывал ожоги и разминал лапы, а потом лег спать в углу, на решетку. Ари-Ару опять оказалась взаперти из-за меня.

После заката Ари-Ару приставала с вопросами, но я ей ничего не рассказывал. Она бесилась, угрожала перебить всю команду, а капитана утопить, достать со дна моря и прибить его еще раз.

– Все хорошо, – сказал я Ари-Ару, пряча обожженную кислотой лапу и глядя в пол.

– Глупый, глупый ты, – грустно произнесла она и накрыла меня крылом.

Нас больше не выпускали из клетки и давали мало зефира. Сладости черных гремлинов был разных цветов и вкусов. Однажды нам принесли зефир, посыпанный чем-то черным и сладким. Он оказался очень сытным.

Матросы побаивались Ари-Ару, а она на них злобно поглядывала.

Раз в ночь приходил мастер знаков и читал о Черном Архипелаге.

– Впервые государство Черный Архипелаг было основано... – рассказывал мастер знаков. Его истории были скучными, и я быстро засыпал у лап Ари-Ару. Она же внимательно слушала и потом пересказывала мне.

– Главный у них – адмирал! – размахивала лапами Ари-Ару. – Он двузубцем такой раз! И все такие попадали, а потом он – оп! И еще как даст потом!

Ее рассказы было гораздо интереснее.

Ари-Ару очень понравились черные гремлины, она говорила, что у них миллион тысячтысячная армия, триллион кораблей во флоте и триллиард островов под контролем.

– Да не триллиард, а четырнадцать, – раздраженно поправлял мастер знаков, но Ари-Ару уже не слушала. Она спрашивала, можно ли ей стать адмиралом и что для этого нужно сделать. Мастер знаков бурчал, но продолжал рассказывать. Когда его терпение подходило к концу, он складывал шкуры со знаками и уходил.

На пятнадцатую ночь вместо мастера знаков к нам спустились вооруженные матросы и отперли клетку.

– Выходите, – потребовали они. – Обсидиановый остров ждет.

Глава 5. Черный Архипелаг

Кораблей было больше, чем лап у всех гремлинов Железного острова, вместе взятых. Многие походили на «Пятый Коготь», но были и гигантские плавучие крепости, окруженные маленькими лодками.

Обсидиановый остров был ровным и острым, словно его сложили из треугольников. На гладкой поверхности острова стояли высокие горы, над которыми поднимались черные клубы дыма. С вершины самой огромной горы скалился крылатый серебряный череп, словно прикидывая, кого бы схватить, утащить на пик и съесть, а его металлические крылья были широко раскрыты. В скалах виднелись прорубленные ступени и темные проходы.

Флот пришвартовался в бухте Обсидианового острова, и с кораблей на берег выходили черные гремлины, которые строились аккуратными прямоугольниками вдоль дороги, ведущей к высокому постаменту с торчащей из него похожей на рог трубкой. За постаментом стоял монумент, у которого раскинулись мутно-красные ветви колючего растения, проросшие сквозь крепкий обсидиан. Растение опутывало монумент, оцетинившись длинными шипами. Я пригляделся и понял, что на многие шипы насажены черепа гремлинов.

Закованные в кандалы пираты толпились отдельно. Пленников было больше сотни, их стерегли вооруженные матросы. После того, как «Пятый Коготь» подошел к берегу, меня и Ари-Ару сковали и проводили к пленным гремлинам. Ари-Ару чуть лапу не откусила тому, кто пытался ее связать.

Когда все построились вдоль дороги, застучали барабаны. Они были не такими большими и грозными, как на скайдле Борд, зато звучали гордо и уверенно, точно попадая в ритм. По дороге, вдоль которой мы стояли, зашагала процессия из полусотни гремлинов. Боевички шли ровно и четко, и все они были одеты одинаково, как капитан Рвака. Отличались только нашивки серебряных черепов на правом плече – они были разных размеров и с разным количеством клыков.

Впереди шествовал грозный черный гремлин. Только у него был серебряный череп с крыльями и всеми клыками. Гремлин тащил по земле целиком закованного в цепи и железо пленника. Между металлическими креплениями мелькали чешуйки, а под маской блестели желтые глаза. Перед постаментом процессия остановилась, а грозный гремлин поднялся по ступеням, волоча пленника, и швырнул его у красных шипов растения. Оно зашевелилось, удлинит шипы и утолстило ветви, пытаясь дотянуться до скованного Оникса. Черный гремлин взобрался на постамент и окинул взглядом моряков.

– Трудись, – сказал черный гремлин в трубку, и его голос эхом прокатился по острову, звуча из каждого проема, отражаясь от каждой вершины.

– ТРУДИСЬ!!! – запищали в ответ моряки.

– Грусти, – произнес гремлин у постамента, и вновь его слова поддержали дружным верещанием.

Черный гремлин по очереди назвал все десять слов. Трудись, грусти, мечтай, строй, спи, ешь, дерись, пищи, потей, страдай. Когда он закончил, гремлины вытянулись и замолкли.

– Новый враг на горизонте, новая голова на шипах райза, – заговорил черный гремлин. – Слушайте, пираты. Я адмирал Чаро. В моей власти направлять силу Черного Архипелага. Вы напали на наши острова и заплатили костями. Кости мертвых пойдут на строительство плота памяти, а их черепа насадят на шипы райза. По заслугам.

– ПО ЗАСЛУГАМ!!! – отозвался Обсидиановый остров.

Что такое плот памяти? Разве его можно построить из костей? Я хотел спросить у Ари-Ару, но она заворожено слушала адмирала. Пираты хмурились и ворчали.

– Мы дарим вам выбор. Если будете служить верно, то станете боевичками Черного Архипелага. Мы поделимся с вами зефиром и предоставим отнорок. Мы научим вас сражаться и читать карты Белого моря. Если не будете слушаться, мы сделаем из ваших шкур страницы для книг, а головы насадим на шипы райза. Мир жесток.

– МИР ЖЕСТОК!!! – грянула площадь.

Пираты загомонили. Черные гремлены заткнули двузубцами самых непоседливых. Я молчал и внимательно наблюдал за адмиралом.

– Черный Архипелаг потребует верности. Вы будете служить до конца времен, пока не наступит вечный...

Мне показалось, что кто-то погладил меня по спине и лапам. Я присмотрелся к шерсти – мех шевелился сам по себе. Чем дальше я смотрел, тем сильнее он двигался. С остальными гремленами происходило то же самое. Их мех шевелился, а уши пригибались. Словно все вдруг начали быстро бежать спиной вперед. Хотя на самом деле все стояли на месте.

– Ветер, – раздался тревожный шепот, и его тут же подхватили. «Ветер, ветер, ветер» – зашумели пленные пираты. А потом прозвучал тревожный скрип с самого высокого пика на обсидиановом острове. Огромный крылатый череп из серебра закрипел, зашатался, а потом начал вращаться, набирая обороты и издавая пронзительный визг.

– Волна! – рявкнул адмирал Чаро, и черные гремлены пришли в движение.

– Бегом, быстро! – крикнул кто-то из моряков, и скованные пираты побежали. Началась давка. Мне наступили на лапу, отдавили хвост, пихнули в бок. Я чуть не упал, но Ари-Ару подхватила меня, и мы побежали вместе, держась за лапы. Нас гнали наверх по ступеням, к постаменту.

Ветер становился сильнее. Я оглянулся: черные гремлены возводили стену с той стороны острова, откуда дул воздух. Они крутили механизмы, которые поднимали широкие обсидиановые щиты, соединяющиеся в один большой барьер. На опустевшей площадке перед барьером собрались разукрашенные гремлены, напоминающие мастера воли Скайю, вытянули передние лапы и закрыли глаза.

Сотни черных гремленов работали вместе, поднимая обсидиановые щиты и складывая из них стену. За несколько вдохов барьер вырос до трех моих ростов, а вскоре закрыл весь берег. Я посмотрел поверх стены, на море. Краешек горизонта приподнялся и увеличивался в размерах, становясь все больше и больше. Усилился и ветер. Грудь сдавило, стало трудно дышать, заслезились глаза. Мое сердце застучало очень громко, а каждый вдох шумел в ушах. Я начал считать вдохи.

Раз вдох. Мы стояли у постамента, на верхней площадке обсидианового острова. Пленные пираты тряслись и со страхом глядели на приближающуюся смерть. Два вдох. Черные гремлены продолжали возводить и укреплять стену, слушаясь приказов невозмутимых капитанов. Три вдох. Адмирал сложил лапы за спиной и спокойно наблюдал за морем. Ари-Ару обняла меня, крепко вцепившись в мех. Четыре вдох. Мастера воли махали лапами на берегу.

– Разинуть пасти! – приказал адмирал Чаро на пятнадцатом вдохе, и мы послушались, хотя выглядели глупо.

Резкий стук отозвался болью в ушах и груди. Пропали звуки.

Волна молотом ударила Обсидиановый остров. Я оглох и свалился на четвереньки, вслед за мной попадали пираты. Вода яростно врзалась в барьер и разбилась об него, подняв брызги до самого неба. Черные щиты прогнулись и закрипели, но выдержали. После удара волна разделилась на два могучих потока и обогнула остров, затухая за скалами.

Прошло еще десять вдохов, прежде чем море успокоилось. Ослаб и ветер. Пронзительный визг стих вместе с прекратившим вращение крылатым черепом.

– ... – скомандовал что-то адмирал, и черные гремлены начали разбирать стену. Я ничего не услышал. Он повернулся к нам и сказал еще что-то. Я затряс головой.

Черные гремлены разделяли нас на группы по десять. Началась возня. Среди пиратов я заметил Кога и Дырявый Плащ. Я помахал им лапой, но они не заметили. Когда дошла очередь до нас, Ари-Ару почему-то оказалась в другой группе.

– Я буду с Лак-Лицом! – взъерилась она, тряся кандалами. Здорово, я снова слышал.

– Приказ есть приказ, – солдаты нацелились на нее из рогаток.

Ари-Ару зарычала, и я понял, что она их сейчас перебьет, а потом придет грозный черный гремлен и целиком закует ее в железо, прямо как Оникса.

– Не надо, Ари-Ару, – попросил ее я. – Все будет хорошо.

Она еще немного позлилась, но потом успокоилась и заставила меня пообещать, что завтра мы встретимся. Пока мы спорили, я оказался в центре толпы, и Ког с Дырявым Плащом заметили меня. Дырявый Плащ изумленно раскрыла рот, а Ког удивленно округлил глаза.

Боевичкам надоело ждать, и нас отвели в крошечный отнорок с холодным и жестким полом. В моей группе было еще девять гремленов, и мы еле поместились внутри, толкаясь и оттаптывая друг друга лапы и хвосты.

– Первый день – испытание. Не сможете поладить друг с другом – придется ладить с солнцем, – сказал черный гремлен, прежде чем закрыл вход щитом.

– Шел бы ты, – огрызнулся серый пират в тюбетейке.

Гремлены начали пихаться, пытаясь освободить себе побольше места. Завязалась драка. Я прижался к стене, чтобы меня не побили. Когда возня прекратилась, я остался стоять на маленьком пятачке у стены, а пираты разлеглись по всему отнорку.

– Подушку из тебя сделаю, – пригрозил пират с косым шрамом через морду, когда я попробовал прилечь и нечаянно наступил ему на хвост.

– Лапу сломаю, – рыкнул на меня пират без шерсти на голове, когда я попытался сесть, но нечаянно задел его ухо.

Поэтому я остался стоять. Я не хотел, чтобы из меня делали подушку или сломали мою лапу. Другие гремлены подозрительно косились. Я постарался стать незаметным и съежился. Куда ни глянь – везде были злобные оскалы и недовольные морды. Тогда я начал смотреть на потолок.

В потолке было что-то неправильное. В его центре чернело круглое пятно. Оно было темным и словно проваливалось вверх.

– Да я его знаю! – сказал кто-то голосом пять-раз-Швецса. – Это раб с железного острова. Он даже не пират.

Пятно поплыло. Я пригляделся и понял, что оно меняется. Пятно медленно светлело и приобретало красноватый оттенок.

– Он был гребцом на моем «Огле», так что принадлежит мне! – заявил голос Швецса.

Швецс и правда был здесь. Без повязки, шляпы, палки и всего остального маленький пират выглядел не так страшно. Капитан «Огла» встал и показал на меня пальцем.

– Я заберу твои костяшки и выкуплюсь у этих черных, – хрюкнул он, потирая лапы.

Пятно стремительно наливалось огненно-красным. Я мысленно прочертил прямую линию от пятна на потолке до пола. Она приходилась ровно на пять-раз-Швецса.

– Отойди, – сказал я и пихнул Швецса. Пират повалился на гремлена сзади и забарахтался, злобно рыча.

В центр отнорка, где только что стоял Швецс, ударил луч света. Гремлены шарахнулись от слепящего солнца и прижались к стенам. Я прикрыл глаза лапами, чтобы не обжечься и не ослепнуть.

– В потолке дырка, – объяснил я. Стало жарко и душно, я покрылся пеной. Пираты испуганно заворчали, отодвигаясь от луча и прячась друг за другом. Заболели глаза и нос. Я вспомнил Оникса и попытался облизнуть глаза, чтобы они не потрескались. Но во рту пересохло, и слюны совсем не было.

Луч становился ярче и скоро начало печь так, что мысли путаться и сложно думать. Закрыться лапами. Спрятаться от света. Дышать. Воздух. Воздуха мало. Ари-Ару тоже? Дышать. Как Ари-Ару? Все будет.

К вечеру луч истончился, а затем и вовсе исчез. Черные гремлины отперли люк и вытащили меня и других пленников наружу. Я еле стоял на лапах и чуть не упал. Нас выстроили в ряд, раздавая тумаки тем, кто медленно соображал.

– Пошевеливайтесь! – рявкнул коротышка, чья морда спряталась за высоким воротником шинели и под козырьком фуражки. Коротышка командовал скрипучим, громким голосом: – Стройся! Когда вы слышите команду «Стройсь!», вы становитесь в ряд и делаете это быстро, а не как горсть лежалых камней!

Он строил нас и приказывал расходиться еще десять раз подряд. Я устал и проголодался. Никто из нас не спал. Тех, кто не слушался, коротышка бил палкой, попутно оговаривая его так, что пираты хихикали. Но вскоре и хихикающие получали палкой – смеяться в строю было запрещено.

– Лечь! Встать! Лечь! Встать! Хвост держать ровно! Я – мастер зубов Скоба, и мне поручено сделать из вас боевичков. Прыжки на месте! Ноль, раз! Два, три! Думаешь, умеешь воевать? – прикрикнул Скоба на самого большого пирата в нашей группе, а затем двинул его палкой по коленке и по спине. Пират покатился по полу, воя и вылизывая коленку. – Слабак! На когти! Сменить!

На когти – это когда нужно лежать, упираясь в пол когтями передних лап. А «сменить!» – значит лежать, упираясь в пол когтями задних лап. Мы прыгали, катались, кувыркались, скакали, крутились, а когда я начинал думать, что мои силы на исходе, Скоба придумывал новую пытку. Он называл их упражнениями, а нас – испражнениями, из которых упражнения сделают боевичков.

– Выше нос! – щелкнул меня Скоба палкой по подбородку. Я потянул лапу, чтобы почесать ушибленное место, но Скоба ударил палкой по запястью: – Стоять ровно! Терпеть! Смотреть прямо!

Мастер зубов не давал передышки и гонял нас, пока не пришли вооруженные черные гремлины с учебным оружием. Нам раздали по двузубцу – они были сделаны из плотного плюша, мягкого, но крепкого.

– Это оружие! Оружие – самое важное, что у вас есть! Оружие важнее ваших ушей и хвостов. Вы можете оставить на поле боя кишки, но оружие – нет! Помните об этом, подыхая! Ты как держишь оружие, щенок? – Скоба подошел к Швепсу и огрел его палкой по голове: – Оружие нужно держать крепко, двумя лапами, вот так. Крепче! Теперь коли! Коли в глаз! Коли в пузо! Коли в глаз! Коли в пузо!

Мы упражнялись с двузубцами как заведенные, повторяя одни и те же движения. Скоба был недоволен всем: как мы двигаемся, как держим двузубец, как колем, как стоим, нашим цветом шерсти и нашими мыслями. Мастер зубов побил одного пирата, забрал у него двузубец и начал показывать, как правильно надо колоть. Его движения были резкими, ровными и мощными.

– Коли в глаз! Коли в пузо! – рявкал Скоба, ударяя трезубцем невидимого противника. Я словно увидел гремлина, которого убивает этот злобный коротышка. Мастер зубов вернул двузубец пирату, и упражнения возобновились.

– Твой упал! Добей его! – скомандовал Скоба пирату в тюбетейке, и ему пришлось делать вид, что он протыкает валяющегося на земле врага. – Медленно! Он тебя убил из положения лежа и ты сдох! Трупы должны два раза оббежать гору кузнецов, чтобы воскреснуть!

Скоба словно состоял из энергии и силы. Он вообще не уставал, а только больше запалялся, придумывая все новые и новые упражнения. Казалось, что даже если обсидиановая гора восстанет против Скобы, он невозмутимо схватит плюшевый двузубец и начнет колоть ее

в глаза и в пузо, а потом достаточно быстро добьет лежачую гору, чтобы она не успела убить его из положения лежа, и продолжит тренировки.

– Ноль, раз! Два, три! Ноль, раз! Два, три!

Я понял, что перестал думать. Только прислушивался ко вздохам, глядел в пол и считал. Считать я умел до тридцати, и когда Скоба приказывал делать упражнение больше тридцати раз подряд, я сбивался со счета и мысли исчезали из головы. Поэтому я пропустил момент, когда подошел мастер зубов и заорал:

– Спящий солдат – мертвый солдат! Два круга вокруг горы кузнецов! Пошел!

Непослушные лапы еле переставлялись, и я побежал вокруг самой большой горы обсидианового острова. Крылатый череп высился на ее пике, и дым поднимался тоже из нее, но с другой стороны. Вокруг горы Кузнецов было много шагов – тридцать раз по тридцать и даже больше. Я пробегал мимо других групп тренирующихся пиратов. В одной из них была Ари-Ару. Я помахал ей лапой, и она мне тоже, и даже подпрыгнула, за что тут же получила выговор от черной самки. Я побежал дальше. Хорошо, что их мастер зубов не бился, как наш. И круги нас одних заставляли бегать.

На втором круге я словно почувствовал себя лучше. Перестал потеть и покрываться пеной. Даже есть расхотелось. Только стало холодно. Я высматривал среди тренирующихся отрядов Ари-Ару, но на этот раз не собирался махать ей лапой – чтобы ее не отчитал мастер зубов. Ее группа должна была находиться за треугольной скалой.

Что-то случилось с моим дыханием. Вздохи стали резкими и дергаными. Я оббежал скалу и увидел тренирующуюся группу.

В глазах потемнело, и мир перевернулся боком. Пропала боль, и звуки стали далекими. Я различал только белый силуэт летающей в небе Ари-Ару. Здорово, что она умела летать. Я не умел.

Чувства вернулись вместе с дыханием. Вокруг собралась толпа. Я лежал на спине, а Скоба ритмично давил мне лапами на грудь. Я подумал, что он отчитает меня – ведь я не пробежал два круга, как было приказано. Но на его морде застыло тревожное и сосредоточенное выражение. За спиной мастера зубов стоял адмирал Чаро.

– Простите, – сказал я. Скоба дал мне пахучую палочку и приказал держать у носа. Ее запах обжег легкие, и я чихнул. Ари-Ару приземлилась рядом и протолкалась ко мне.

– Лак-Лик? – обеспокоенно спросила она.

– Я споткнулся, – соврал я.

– Мастер Скоба, – произнес адмирал. – Уговор был, что вы сделаете из них лучших бойцов, а не загоните до смерти.

– Этот больной, – злобно ответил Скоба, поправляя козырек: – Слабое сердце, слабые легкие. Прошу перевести его в другой отряд.

– Отказано. Найдите ему применение.

Скоба заскрипел клыками.

– Зуб Ири-Иру, – обратился адмирал Чаро. Ари-Ару молодец, не сказала черным гремленам свое настоящее имя. – Рвение за друга заслуживает уважения. Но угрожать, что ты перебьешь весь проклятый остров вместе с глупым адмиралом – недопустимо. Один день в солнечной камере.

– Если Лак-Лик умрет, вы все отправитесь за ним в тот же день, – прошипела Ари-Ару.

– Возможно. Два дня в солнечной камере.

Я швырнул пахучую палочку в адмирала. Он попала ему в морду и отскочила на землю. Стало очень тихо.

– Не обижай Ари-Ару, – объяснил я.

Адмирал Чаро повернулся ко мне. У него были очень внимательные черные глаза. Глава Черного Архипелага походил на Оникса. Казалось, что он собирается спросить, какого я цвета.

– Этому тоже день в солнечной камере. Нарушение дисциплины недопустимо. Но дружба это правильно. Посадите их вместе.

Когда черные гремлены в фиолетовых халатах подхватили меня и поволокли прочь, Скоба подмигнул, сохраняя суровое выражение морды. Он был хорошим мастером зубов. Спас меня от смерти.

Остаток ночи я провел на носилках. Врач сказал лежать на спине, смотреть вверх и глубоко дышать. Скоба гонял пиратов до самого рассвета. Он сказал остальным, что меня побили в наказание, потому что я ослушался приказа и не пробежал два круга. Это было неправдой, но после слов мастера пираты упражнялись усерднее. Перед восходом нам раздали по черной зефирке. Я проглотил ее, не ощутив вкуса.

– Ходить можешь? – спросил Скоба, когда пиратов отвели в отнорки.

– Так точно, – ответил я и встал, пошатываясь. Голова чуть-чуть кружилась.

– Молодец, – сказал мастер зубов, и это была первая похвала Скобы, которую я услышал: – За мной, в солнечную камеру.

Ари-Ару уже была внутри, хмурая и потрепанная. Скоба вместе с другими черными гремленами заперли нас и ушли. «Без дисциплины мы никто», – сказали они перед уходом. Это неправда, потому что даже без дисциплины я Лак-Лик. Я сказал об этом Ари-Ару, и она хихикнула.

– Ты ему прямо в нос попал! – рассмеялась она и начала рассказывать много интересного. Оказывается, всего было одиннадцать групп, разделенных по силе. Ари-Ару была в самой сильной группе.

– А у меня какая группа? – спросил я.

– Самая слабая, – отвела взгляд Ари-Ару. – Зато у вас самый сильный мастер зубов. В других группах пиратов пугают Скобой. Наша мастер зубов Буква сказала, что так получилось из-за спора, но не объяснила, из-за какого.

– А у тебя в группе есть гремлен с черными перчатками?

– Да, – смутилась Ари-Ару. – Он спас меня днем. Первый заметил, что в потолке дырка.

– Это Ког, – я решил, что многим обязан Когу.

– Ког сказал, что только в наших двух группах не погибли гремлены. В остальных сгорело по одному. А в одной даже два.

Вскоре пятно на потолке начало наливаться красным. Ари-Ару замолчала и начала дрожать. Это потому, что она панически боялась рассвета. Она всегда страшилась его больше остальных. Я начал говорить Ари-Ару, какие у нее красивые крылья и хвост, и уши, и какой у нее пушистый мех, и что у нее хороший нос, и глаза тоже красивые, и клыки очень острые. Перед тем, как луч ударил в центр отнорка, я закрыл лапами ее глаза. Ари-Ару заскулила. Весь день я рассказывал ей о том, какая она хорошая и храбрая, и сильная, и смелая, и какие у нее крепкие лапы. Говорить в жаре очень сложно – высыхает пасть. Когда язык прилип к небу, я тихо запел. Получалось скрипучее: «Туу-дуу-туу-дуум» или охрипкое «Таа-даам-таам-даам». Я плохо пел. В один миг я подумал, что Ари-Ару заснула. Потом стало слишком горячо, чтобы думать.

Я проснулся от очень крепких объятий.

– Задыха... – просипел я, и Ари-Ару разжала лапы.

– У тебя тоже пушистая шерсть, – сказала она и потерлась об меня головой. Луч исчез – снаружи была ночь.

– Все нет, – возразил я. После тренировок и сушки в солнечной камере моя шерсть превратилась в клочковатые комки. Я понюхал себя – пахнул потом. Надо было вылизаться. Ари-Ару прижималась ко мне, пока со входа не сняли щит и мы не выбрались наружу, где ждали два мастера зубов: Буква и Скоба. Буква увела Ари-Ару, а Скоба подошел ко мне и приказал:

– За мной.

– Так точно, – ответил я и зашагал за маленьким мастером.

– Тяжелые нагрузки отпадают. Бег, лазанье по скалам, прыжки... – бормотал Скоба, проматривая пластинку, похожую на мой кард.

– Так точно, – согласился я, еле успевая за мастером зубов. Он шустро переставлял лапы.

Вскоре мы оказались на исчерченной мелом площадке. Здесь было много черных гремлинов, стреляющих из рогаток по разрисованным мешкам с камнями. Скоба раздобыл маленькую рогатку и дал мне:

– Это стрельбище. Стань у первой полосы и меть в центр мишени, – мастер зубов показал, как надо держать рогатку.

Сначала я отбил резинкой все лапы, пока разобрался, как стрелять. Скоба помогал, показывая правильные движения. Рогатка – грозное оружие. На скайдле Борд я видел, как снаряды из рогаток черных гремлинов ломали пиратам кости и разносили им головы. Рядом тренировались другие стрелки, их камни стучали по мешкам, выбивая облачка пыли.

Я оттянул резинку, стараясь делать так, как показывал Скоба. Первый выстрел не добил до мишени. Второй тоже. И третий. И пятый, и пятнадцатый, пока Скоба не сказал:

– Сдай рогатку. За мной.

Другие стрелки с любопытством смотрели вслед.

Скоба повел меня под землю, и мы долго спускались, пока не запахло химией и палочками, как у врача Кварца, когда он лечил меня.

– Врачевание спасает жизни, – сказал Скоба, когда мы пришли в отнорок, где было много гремлинов в халатах: – Вонг научит.

У Вонга была оранжевая шерсть и фиолетовый халат. К нему только что привели черного гремлина, который сломал заднюю лапу, упав с верхней палубы. Из раны торчала белая кость и рваная кожа, а шерсть вокруг слиплась от запекшейся крови. Моряк скулил и порывался вылизать увеченную коленку, но Вонг запрещал.

– Сначала надо вправить кость, – сказал Вонг, поворачивая лапу, пока три других врача крепко держали черного гремлина: – А потом наложить шину.

Он много чего рассказывал, но я ничего не запомнил. Я стоял и смотрел на черного гремлина, который выл и пищал. Ему было очень больно. Я представил, как было бы мне больно, если бы я сломал заднюю лапу, чтобы из нее торчала кость, и задрожал.

– За мной, – скомандовал Скоба. Вонг покачал головой.

Мы ходили в тактический зал, в кузнечную плавильню, на корабельный док, на тренировочный полигон и еще много в какие места, названия которых я не запомнил. Скоба черкал в моем карде и бормотал под нос. Один раз мы прошли мимо Ари-Ару. Она прыгала на одной лапе вместе с другими гремлинами. Мастер зубов Буква тренировала не только свою группу, но и мою.

– И на этот раз нет, – сказал Скоба, когда мы вышли из конструкторской: – В карде написано, что у тебя нулевая воля. Это как?

– Так точно.

– Кто тебя проверял на волю?

– Мастер Скайа.

– Он поехал головой, – решил Скоба. – За мной.

Мы направились к краю острова, где стояла самая маленькая гора. В ней был всего один вход. Скоба шагнул внутрь, и я последовал за ним. Мы оказались в широком пустом зале с высоким сводом. Посередине лежала огромная подушка, а на ней сидела розовая гремлинша с очень короткой и гладкой шерстью и большой головой. Гремлинша повернулась к Скобе и поприветствовала его, не открывая глаз:

– Привет, Скоба. Какие тогда дела?

– Доброй ночи, Ниро. Нужно проверить солдата на волю.

– Хорошо, например. Где он?

Скоба нахмурился. Он внимательно оглядел меня, повернулся к розовой Ниро и спросил:

– Ты не видишь?

– Кого же? – смутилась Ниро и почесала голову.

– Никого. За мной, Лак-Лик.

Розовая самка легла на подушку и засопела. Скоба вывел меня наружу. Я посмотрел на небо – ночь подходила к концу.

– Скайа оказался прав, – вынес вердикт мастер зубов. – Ты лишен воли. С завтрашних сумерек вернешься к занятиям по ослабленной программе. За мной, в казармы.

– А что нужно сделать, чтобы попасть в солнечную камеру? – спросил я.

– Нарушить дисциплину. Не выполнить приказ, – перечислил Скоба.

– Понятно.

– За мной, – вновь скомандовал мастер зубов, но я остался стоять на месте: – Что это значит?

– Не выполняю приказ, – объяснил я.

– Сутки в солнечной камере.

– Спасибо.

Скоба удивленно поднял уши.

– Ясно. За мной, в солнечную камеру, – скомандовал Скоба, и на этот раз я послушался.

Меня вновь посадили с Ари-Ару. Она сильно обрадовалась тому, что я рядом, и одновременно разозлилась из-за того, что я опять наказан.

– Тебе же давали всего один день. За что тебя? – спросила она.

– Не скажу.

– Говори!

– Нет.

– Говори! Говори! – взбесилась Ари-Ару, но я не сказал.

Мы прижимались друг к другу, когда начался день, и Ари-Ару опять задрожала, но уже не так сильно. На самом деле она была бесстрашной и смелой. Ари-Ару ничего не боялась, кроме света. Она всегда дралась с задирами.

Луч ослаб. Кто-то загородил дырку в потолке. Я посмотрел вверх, прикрывая глаза, чтобы не обжечь их. Кто-то лез к нам. Но ведь любой гремлин сгорел бы на ярком свете. Наверное, дело в том, что я перегрелся и давно не ел. Поэтому мне кажется всякое. Но Ари-Ару тоже напряженно прислушивалась и двигала ушами.

С потолка спрыгнул чешуйчатый гремлин. Прыгая, он закрыл дыру обсидиановым щитом, и луч исчез. Пар поднимался с шипящих черных чешуек. Раньше они были серыми, а сейчас запеклись и покрылись копотью. С лап, хвоста и шеи свисали оплавленные звенья железных цепей. Ари-Ару вскочила и обнажила клыки, разъяренно размахивая хвостом.

Оникс облизнул глаза и сказал:

– Привет, Лак-Лик. Я давно тебя не кормил. Хочешь есть? – первый пират достал кулек угольков. Рассеянно повертел их и прошептал: – Жарко.

Ари-Ару прыгнула и одним рывком впечатала Оникса в стену, а затем вцепилась первому пирату в горло, раздирая чешую когтями. Пол затрясся, посыпалась пыль. Оникс зашипел и ударил хвостом. Ари-Ару врезалась в противоположную стену и запищала от боли. Обсидиан пошел трещинами. Ари-Ару заверещала, взлетела под потолок и камнем упала на чешуйчатого гремлина. Они покатались по полу.

Мне не хотелось, чтобы они дрались. Оникс был сильнее Ари-Ару. Его чешуя была крепкой, а атаки мощными. Ари-Ару беспомощно скребла когтями закопченные чешуйки и болезненно всхлипывала после каждого удара. Надо ей помочь.

Я должен стать незаметным. Оникс не увидит меня, и я схвачу его сзади. А когда мы повалим его, он не сможет драться и бить Ари-Ару.

Я должен стать невидимкой. Нужно неслышно дышать, медленно ступать, перестать пахнуть страхом и не попадаться на глаза. И сердце должно стучать тише. Мне несложно это сделать, ведь мое сердце и так бьется тихо.

Я прижался к стене и обошел драку, а когда появился шанс, подкрался к Ониксу и схватил его за шею.

– Попался! – воскликнул я, пытаясь его удержать. Оникс инстинктивно ударил меня локтем, и я отлетел в потрескавшуюся стену. Obsidian лопнул, посыпались осколки, освобождая проход в глубокую яму. За одной из стен оказалась полость.

Я в нее провалился и долго падал, пока не треснулся.

Глава 6. Белое море

Я очнулся на гладком полу. Болели голова и правая лапа. Проход в солнечную камеру завалило обсидианом. Я попробовал разобрать груды – и чуть не порезался об острые края осколков. А их было так много, что завал пришлось бы разгрести тридцать ночей. Или даже тридцать раз по тридцать ночей.

Я поднялся и побрел вдоль тоннеля, хромая на одну лапу. С Ари-Ару все в порядке. Зачем Оникс хотел накормить меня угольками? Я ведь не ем угольки. С Ари-Ару все хорошо. Получается, чешуйки защищали его от света. Хоть и ненадолго. С Ари-Ару ничего не случилось.

Дальше тоннель разделялся на два, и в правом проходе стоял коричневый гремлин, который когда-то был косоглазым. Сейчас его глаза смотрели ровно и уверенно.

– Привет, – сказал Бип-Боп.

– Привет, – обрадовался я. – Как дела?

– Хорошо, – ответил Бип-Боп и направился вглубь правого тоннеля. Я захромал за ним. Пол уходил вниз, и мы спускались все глубже и глубже, а стены становились все горячее и горячее.

– Куда мы идем? – спросил я, когда пол начал обжигать.

– Помнишь, когда Скоба проводил тебя мимо цеха по сборке рогаток, ты увидел вход в склад с зефиром? Мы под ним. Где-то здесь люк.

– Здорово, – согласился я. Мы и правда нашли люк на потолке. Он заржавел и плохо слушался, но вместе с Бип-Бопом нам удалось повернуть ручку и выбраться наружу. Я оказался в маленьком подвале с четырьмя полками, заваленными зефиром. Снаружи люк сливался с полом, и его совсем не было видно.

– Давай возьмем несколько и спрячемся, – предложил Бип-Боп.

– Давай, – кивнул я и взял три зефирки. А еще две съел прямо тут – я был очень голодным.

Бип-Боп сказал, что он уже поел и совсем не хочет сладостей.

– Надо найти Ари-Ару, – сказал я.

– С ней все хорошо, – ответил Бип-Боп.

– Правда?

– Да.

– Все равно надо ее найти, потому что она будет волноваться и перебьет весь остров вместе с адмиралом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.